

К. В. Малаховский

ЛЮБОВЬ И ДОЛГ

История жизни капитана
Мэтью Флиндерса

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

К. В. Малаховский

ЛЮБОВЬ И ДОЛГ

**История жизни капитана
Мэтью Флиндерса**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (председатель),
Л. Б. Алаев, А. Б. Давидсон,
Н. Б. Зубков, Г. Г. Котовский,
Р. Г. Ланда, Н. А. Симония

Ответственный редактор

А. М. Хазанов

Малаховский К. В.

М18 Любовь и долг. История жизни капитана Мэтью Флиндерса. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

112 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Книга посвящена известному британскому мореплавателю конца XVIII — начала XIX в. М. Флиндерсу, прославившемуся своим путешествием вокруг Австралии.

Автор описывает международную жизнь периода Французской революции и наполеоновских войн, показывает острую борьбу ведущих капиталистических держав за господство на Тихом и Индийском океанах, рассказывает о начальном этапе британской колонизации Австралии.

М 1905020000—018—204—85
013(02)—85

ББК 26.89

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

У кафедрального собора святого Павла в Мельбурне высится памятник: молодой британский морской офицер в форме конца XVIII столетия стоит на носу шлюпки. Красивое его лицо серьезно, пожалуй, даже хмуро, левая рука сжимает эфес шпаги. «Капитан Мэтью Флиндерс» — гласит надпись на монументе. Всякого, кто побывал в Австралии, поражает, как часто встречается это имя в названиях городов, улиц, железнодорожных станций, учебных заведений, бухт, мысов, рифов, островов, лесных заповедников, горных цепей, кораблей, самолетов, поездов, маяков. В стране воздвигнуто немало памятников Флиндерсу, его изображают на денежных знаках, ему посвящены мемориальные доски. Нет австралийца, который бы не слышал имени этого человека и не мог хоть что-нибудь о нем рассказать.

Мэтью Флиндерс, пожалуй, самая популярная на пятом континенте историческая личность. Все знают о значении его плаваний и исследований, но мало кому известно, как трудно сложилась его жизнь, как сильно он любил и как сильно страдал, сколько разочарований выпало на его долю. Он не завершил дела своей жизни — изучения Австралии. Через всю жизнь он пронес любовь к женщине, с которой смог соединиться лишь в преддверии смерти. Злая судьба преследовала Флиндерса и после смерти: его могила не сохранилась, она была уничтожена еще в середине XIX в. Об этом узнали в Австралии почти через столетие.

Мэтью Флиндерс родился 16 марта 1774 г. в городе Донингтоне в Линкольншире, на восточном побережье Англии. Его отец, тоже Мэтью, и дед Джон были врачами. Вообще семейство Флиндерсов было, можно сказать, сухопутным. Лишь один из братьев отца — Джон — служил в королевском флоте. Мэтью был старшим из семи детей. Детские годы его прошли в Донингтоне, который в те времена насчитывал едва ли тысячу жителей. Свое образование будущий мореплаватель начал в Донингтонской свободной школе, основанной в

1718 г., а когда ему исполнилось 12 лет, он перешел в Горблинговскую грамматическую школу, находившуюся в шести милях от Донингтона, где проучился еще три года.

Доктор Мэтью был уверен, что дальнейшая жизнь младшего Мэтью пойдет по привычному для Флиндерсов руслу: он будет изучать медицину и, как старший сын, со временем займет его место в Донингтоне.

Но произошло непредвиденное. Мэтью попала в глаза книга Д. Дефо «Робинзон Крузо». В этом не было ничего удивительного: книга стала очень популярной сразу же после издания в 1719 г. и имела во многих английских семьях. Неожиданной была реакция Мэтью, прочитавшего замечательное произведение Дефо: он раз и навсегда решил стать моряком.

Незадолго до смерти Флиндерс, отвечая на вопросы редактора журнала «Морская хроника», писал, что решение идти в море возникло у него после чтения «Робинзона Крузо». Но, видимо, дело было не только в этом. Скорее всего решение Мэтью созревало постепенно. Ведь он жил у моря. В Бостоне, в десяти милях к юго-западу от которого расположен Донингтон, Мэтью видел корабли, подымавшиеся по Уитхэм-Ривер почти до центра города. В самом Донингтоне изготовляли корабельные канаты. Из окна мансарды трехэтажного родительского дома Мэтью часто наблюдал, как мощные восточные ветры гонят серые волны залива Уош далеко в глубь суши, как соленая морская вода залива окрестные равнины. Такая обстановка располагала к размышлениям о море. Знакомство с книгой «Робинзон Крузо» было последним толчком.

Родные и друзья убеждали Мэтью отказаться от его намерения. Отец и вовсе не хотел слышать о затее сына. Юноша искал сочувствия у дяди Джона, единственного моряка в их родне. Но и тот не поддержал его. Джона Флиндерса угнетало медленное продвижение по службе. «Ты никогда не сможешь стать капитаном корабля, — с горечью говорил он, — если у тебя не будет могущественной поддержки. Посмотри на меня. После одиннадцати лет службы я — младший офицер и останусь им до самой смерти. Да и смерти, которая ждет меня, я не пожелаю никому: я буду либо разорван на куски вражеским ядром, либо сброшен в морскую пучину на корм рыбам. Нет уж, оставайся дома и изучай медицину, как велит тебе отец».

Но Мэтью твердо стоял на своем. Тогда дядя Джон открыл свой морской сундучок и вынул оттуда две книги. Это были «Элементы навигации» Робертсона и «Принципы тригонометрии» Мура. Советуя племяннику прочитать их, Джон Флиндерс надеялся, что чтение сухих и сложных книг отобьет у него охоту стать моряком. Но Мэтью всерьез занялся изучением навигации и математики и уже через год был достаточно подготовлен к морской службе.

В те времена для поступления молодого человека на службу в королевский флот требовалась рекомендация какого-нибудь старшего офицера. Это обстоятельство ставило, казалось бы, непреодолимое препятствие на пути Мэтью к морской службе, ибо ему не от кого было получить такой документ.

Но совершенно неожиданно роль доброй феи сыграла кузина Мэтью — Генриэтта, служившая гувернанткой в семье капитана Томаса Пэсли, который командовал тогда военным судном «Сципион». Она рассказала капитану о Мэтью, и тот пригласил юношу в свой загородный дом в Редклиффе недалеко от Ноттингема.

Это произошло летом 1789 г. Томас Пэсли долго разговаривал с Мэтью. Ему понравился этот серьезный молодой человек, страстно желавший стать моряком и самостоятельно приобретший необходимые для этого знания.

Вернувшись домой, Мэтью стал ждать сообщений от капитана Пэсли. Однажды вечером, когда Мэтью уже лежал в постели, в его комнату вошла Генриэтта и плотно закрыла за собой дверь.

— Пришло письмо от капитана Пэсли, — заговорщически улыбаясь, сказала кузина, — оно у отца на столе. Это может означать лишь одно — тебя вызывают на службу. Теперь ты должен переговорить с отцом.

— Но он запретил мне говорить о море, — ответил Мэтью. — Отец сейчас у себя?

— Нет, уехал в Сибси. Он написал об этом на доске у своей двери.

— Прекрасно, Генриэтта. Я нашел выход. Отец запретил мне говорить о море, но не запретил писать об этом. Я напишу ему там же, на доске.

Трижды Мэтью подходил к грифельной доске у двери в комнату отца, что-то писал на ней, тут же стирал и вновь писал. Наконец на доске появилась короткая

фраза: «Дорогой отец, я обещаю, что ты еще будешь мною гордиться, если разрешишь мне уйти в море».

Мэтью с нетерпением ожидал разговора с отцом, но тот не начинал его. Юноше казалось, что дни текут мучительно медленно. Наступила осень, возобновились занятия в школе. Мэтью не знал, что и думать. В конце октября, когда он уже потерял надежду на разговор с отцом, старший Мэтью позвал его к себе. Когда сын вошел, отец протянул ему конверт с тяжелой печатью военно-морского ведомства. Конверт был вскрыт. Внутри него находилась короткая записка, в которой сообщалось, что Мэтью Флиндерс, пятнадцати лет, из Донингтона в Линкольншире, назначается в качестве слуги капитана на военный корабль «Осторожный», находившийся в Чатеме.

Мэтью онемел от неожиданности.

— Садись, Мэт, — сказал, улыбаясь, отец. — Я возражал против твоего поступления на морскую службу по двум причинам. Во-первых, я хотел, чтобы ты избрал профессию, в которой я мог бы быть твоим руководителем. Во-вторых, я не хотел, чтобы ты бессмысленно болтался по свету в дурной компании, подвергаясь опасности. Но с тех пор как капитан Пэсли стал твоим другом, мое мнение изменилось. Капитан пишет мне, что имеет возможность взять тебя к себе или, во всяком случае, следить за тобой и помогать тебе в продвижении по службе.

Растроганный сын не знал, как и благодарить отца:

— Мне очень тяжело, отец, что я разочаровал тебя, не став доктором.

— Ничего. У меня есть еще сын. Я верю, что Сэмюэл пойдет по моим стопам.

Этот памятный для Мэтью разговор произошел 23 октября 1789 г.

На следующее утро весь Донингтон знал о том, что Мэтью Флиндерс-младший уходит в море. Мэтью заказал морскую форму. Когда она была готова, он отправился делать визиты, надев белые бриджи, белый жилет и голубой мундир со стоячим воротником. Прежде всего Мэтью зашел в дом своего приятеля Джорджа Басса. Но не застал его. Джордж, сдав предварительные экзамены, уехал в Линкольн для продолжения образования.

«Осторожный», на котором начал морскую службу Мэтью Флиндерс, был учебным кораблем. Он никог-

да не покидал Чатемской гавани. На нем Флиндерс познакомился с начальными элементами морской службы, непосредственно столкнулся с неприятными ее сторонами: теснотой помещений, плохим питанием, зловонием гниющего дерева. Он учился искусству оснащения судна. В те времена это было весьма сложным делом.

Через семь месяцев, 17 мая 1790 г., Пэсли перевел Флиндерса на свой корабль «Сципион». На нем Мэтью впервые вышел в море. Вскоре Пэсли был назначен капитаном «Беллерофона». Мэтью он взял с собой. Хотя Флиндерс и провел на борту «Беллерофона» почти год, ему не удалось побывать в настоящем плавании. Судно крейсировало у английских берегов. Наконец Пэсли решил предоставить Мэтью полную самостоятельность. 14 апреля 1791 г. Флиндерс перешел на судно «Диктатор», а затем, менее чем через месяц, был назначен гардемаринном на корабль «Провидение». На этом судне ему суждено было совершить первое серьезное путешествие.

Корабль готовился к плаванию в Южные моря. Основной целью экспедиции был перевоз хлебного дерева с Таити на Ямайку, но наряду с этим предполагалось определить лучший маршрут для британских судов, которые в будущем, возможно, станут проходить через Торресов пролив, разделяющий Новую Голландию* и Новую Гвинею.

Доставить хлебное дерево на Ямайку просили британские колонисты в Вест-Индии, которые пытались найти наиболее дешевые виды питания для рабов, трудившихся на их плантациях. Еще Дампир во время своих скитаний по морям и океанам отмечал полезные свойства хлебного дерева. «Хлебный плод, как мы его называем, растет на дереве, таком большом и высоком, как наши самые большие яблони... Плоды растут на ветках подобно яблокам... Туземцы готовят из них хлеб. Они собирают вызревшие полностью плоды, которые кладутся в печи и пекутся там, пока не покроются черной коркой. Тогда туземцы счищают большую часть корки, оставляя лишь мягкий тонкий слой, прикрывающий белую мякоть... В ней нет никаких семечек или косточек, вся она

---

* Землю на юге Тихого океана голландцы сначала называли Terra Australis, а после второго плавания Тасмана в 1644 г. — Новой Голландией, но это название распространялось лишь на западную часть континента.

такая же чистая субстанция, как и хлеб. Она должна съедаться немедленно, ибо примерно через двадцать четыре часа черствеет и становится несъедобной».

Джеймс Кук также указывал, что плоды хлебного дерева — весьма питательная пища. Кстати, в судовом журнале, который Кук вел во время последнего, третьего плавания, он с большой похвалой отзывается об одном из своих младших офицеров, Уильяме Блае, способном, образованном моряке. По-видимому, Блай под руководством Кука не только усовершенствовался в навигации и картографии, но и приобрел немалые сведения в естественных науках, в том числе в ботанике, что пригодилось ему в будущем. Его дядя был влиятельным человеком в вест-индских колониях Великобритании. И когда плантаторы в Вест-Индии, поддержанные Джозефом Бэнксом, известным ученым-натуралистом, президентом Королевского общества, принимавшим в свое время участие в плаваниях Кука, попросили правительство организовать экспедицию для доставки хлебного дерева в Вест-Индию, то Блай был назначен руководителем этой экспедиции. Он отправился в плавание на корабле «Баунти» («Щедрость») в августе 1787 г. И это плавание было действительно «щедрым» на драматические события. В апреле 1789 г. во время перехода от Таити до Ямайки на судне вспыхнул матросский бунт. Мятежники посадили Блая, его офицеров и часть матросов, оставшихся верными капитану, в шлюпку, дали им немного воды, продовольствия, компас и две старые шпаги. В течение 41 дня шлюпка проплыла 4 тыс. миль с одной лишь остановкой на острове Тофуа, и, только достигнув острова Тимор, изгнанники пересели на корабль. В марте 1790 г. они добрались до Англии.

Что касается мятежников, то они сначала вернулись на Таити, а затем, испугавшись возмездия, вновь уплыли, взяв с собой шесть таитян и двадцать таитянок. 15 января 1790 г. они достигли острова Питкэрн.

Выйдя на берег, их предводитель Христиан приказал сжечь корабль. Он поступил так же, как в свое время Кортес, уничтоживший корабли, когда испанцы достигли берегов Америки.

Морякам не оставалось ничего другого, как навсегда поселиться на Питкэрне. На острове не было населения. Лишь человеческие скелеты свидетельствовали о том, что когда-то здесь жили люди. Вскоре между англича-

нами и таитянами возникла острая вражда, кончившаяся тем, что таитяне однажды ночью убили англичан. Спасти удалось только одному из них, Адамсу: он скрылся в лесу. Таитянки были так возмущены действиями своих соплеменников-мужчин, что на следующую ночь убили их всех, затем нашли и вылечили Адамса. Он сделался неограниченным властелином всего острова.

Лишь через четырнадцать лет, в 1803 г., первый европейский корабль подошел к острову. Английский капитан был уверен, что остров необитаем, и поразился, встретив на берегу людей, приветствовавших его по-английски.

Объяснения Блая по поводу потери корабля и команды были полностью приняты Адмиралтейством. Молодой лейтенант приобрел славу опытного и мужественного моряка. В марте 1791 г. при поддержке Бэнкса Блай был назначен руководителем новой экспедиции за хлебным деревом. На этот раз в плавание отправились два судна: «Провидение», которым командовал Блай, и «Помощник» под командованием Натаниэля Портока.

Корабли вышли в море 3 августа 1791 г. В октябре они достигли мыса Доброй Надежды, а 10 апреля 1792 г. подошли к Таити. Три месяца англичане пробыли на острове. 19 июля экспедиция покинула Таити. На корабле было погружено 600 деревьев. Блай захватил с собой и двух таитян — Мидидди и Боббо. Боббо был доставлен на Ямайку, где помогал сажать и выращивать хлебные деревья, а Мидидди — в Лондон; здесь в Королевском обществе его демонстрировали как живой экспонат. Несмотря на утверждения Блая, что Мидидди легко, «не проронив слезинки, покинул свою родину», житель «земного парадиза», полный сил, веселый и жизнерадостный, умер через несколько дней после того, как корабли Блая приплыли к берегам туманного Альбиона.

На пути от острова Таити к Тимору английские корабли, пересекая Тихий океан, прошли Торресовым проливом. Таким образом, Блай выполнил инструкцию Адмиралтейства: исследовал проход между Новой Гвинеей и Новой Голландией. Впоследствии Флиндерс писал: «Так за девятнадцать дней был закончен переход из Тихого, или Великого, океана в Индийское море; без ка-

ких-либо других неприятностей, кроме стычек с туземцами... Вероятно, ни одно пространство длиной в 3½° не представляет больших опасностей, чем Торресов пролив».

16 сентября 1792 г. по выходе из пролива Блай обнаружил группу неизвестных островов, которые он тут же объявил собственностью его величества короля Георга III, назвав их архипелагом Кларенса в честь третьего сына британского монарха.

После коротких остановок на Тиморе, а потом на острове Святой Елены в Атлантическом океане корабли Блая пришли на Ямайку, где выгрузили хлебные деревья. 15 июня Блай покинул Вест-Индию, взяв курс к Англии. Экспедиция закончилась в Дептфорде 7 августа 1793 г.

Для Флиндерса плавание на «Провидении» было серьезной школой. В Библиотеке Митчелла в Сиднее хранится фотокопия дневника, который вел Флиндерс во время плавания. Записи в нем свидетельствуют не только о юношеской восторженности Флиндерса, который в семнадцать лет принял участие в серьезной морской экспедиции к далеким, малоизвестным землям, но и о наблюдательности, вдумчивости — качествах, редких для человека его возраста.

За время отсутствия Флиндерса события в Европе развивались весьма стремительно. Размах революции во Франции напугал европейских монархов, которые образовали первую вооруженную коалицию против революционной Франции. Когда Флиндерс вернулся в Англию, революция во Франции достигла кульминации. В январе 1793 г. был казнен Людовик XVI, в июне власть в стране перешла к якобинцам, была выработана самая демократическая из буржуазных конституций (которую, однако, не удалось ввести в действие). В антифранцузскую коалицию кроме Австрии и Пруссии вошли Великобритания, Нидерланды, Испания, Сардинское, Неаполитанское королевства и др.

Через месяц после возвращения на родину Флиндерс поступил на службу на судно «Беллерофон», которым по-прежнему командовал Томас Пэсли, уже в чине контр-адмирала. Это судно прославилось впоследствии не столько участием в морских сражениях с французским флотом, сколько тем, что на нем находился Наполеон, сдавшийся англичанам после Ватерлоо.

«Беллерофон» входил в эскадру под командованием лорда Хау, крейсировавшую в Ла-Манше. Ее задачей являлось обнаружение и уничтожение французских судов, перевозивших продовольствие из Америки во Францию.

28 мая 1794 г. лорд Хау выслал четыре корабля своей эскадры — «Беллерофон», «Мальборо», «Рассел» и «Громовержец» — под общим командованием Пэсли остановить французские суда. Основное сражение произошло 1 июня; в историю британского военно-морского флота оно вошло под названием «Славное Первое июня».

Флиндерс проявил в первом в своей жизни морском бою хладнокровие и бесстрашие. Но на этом карьера Флиндерса как боевого офицера и закончилась. В сражении был тяжело ранен его покровитель контр-адмирал Пэсли: ему ядром оторвало ногу. Впоследствии Пэсли служил только на берегу и, хотя был произведен в вице-адмиралы, утратил прежнее влияние на флоте.

После ранения Пэсли Флиндерс еще два месяца находился на борту «Беллерофона», а затем его жизнь круто изменилась. Мэтью Флиндерс избрал путь, приведший его к славе. Чтобы понять происшедшее, необходимо сделать небольшой экскурс в историю открытия Австралии.

Парадоксально, что Австралия, в существовании которой не сомневались античные картографы, наносимой уверенной рукой на свои карты Тегга Australis Incognita (Таинственную южную землю), была открыта позднее других обитаемых материков планеты. Первыми подошли к берегам далекого континента голландские моряки.

В конце XVI в. Голландия начала интенсивно осваивать морской путь в Индию. Первая голландская экспедиция в Индию в составе четырех судов была организована в 1595 г. Она проходила не совсем удачно. Голландцы потеряли половину кораблей и третью часть экипажей, но убедились в возможности плавания к берегам Индии.

В 1598 г. в Индию была послана вторая экспедиция в составе семи судов. Ей сопутствовал больший успех: не было потеряно ни одного корабля. Все они возвратились с богатым грузом пряностей. В этом же году голландцы закрепились на острове Ява и создали там торговые фактории, опираясь на которые они стали посте-

пенно монополизировать торговлю со странами Южной и Юго-Восточной Азии, а также Дальнего Востока. В 1601 г. в Индию отправилось уже 40 голландских кораблей.

Убедившись в доходности подобных предприятий, голландские купцы в марте 1602 г. создали общество по торговле с Индией — нидерландскую Ост-Индскую торговую компанию. Компания получила такие права и привилегии, что стала своего рода государством в государстве. Она не только монополизировала торговлю, но и имела право назначать чиновников в Индию, вести войну и заключать мир, чеканить монету, строить города и крепости, образовывать колонии. Капитал компании был огромным по масштабам того времени. Если британская Ост-Индская компания начала свою деятельность в 1600 г. с капиталом 72 тыс. фунтов стерлингов, что равнялось 864 тыс. гульденов, то капитал нидерландской Ост-Индской компании составил 6,6 млн. гульденов.

Нидерландская Ост-Индская компания энергично занималась поисками Южной земли. Один из кораблей компании под командой капитана Виля Янсзона обогнул с юга Новую Гвинею и достиг побережья Австралии у полуострова, называемого сейчас Кейп-Йорк. Матросы, высадившиеся на берег в поисках воды и пищи, были убиты аборигенами. Янсзон поспешил уйти от этих негостеприимных берегов и в июне 1606 г. вернулся на Яву.

Следует сказать, что голландские моряки стали ходить в свои владения в Юго-Восточной Азии несколько иным путем, чем это делали до них португальцы и испанцы. Старый путь в Индию проходил от мыса Доброй Надежды вдоль берегов Африки до самого экватора, а потом уже шел на восток. Голландцы избрали более короткий маршрут. Двигаясь 4 тыс. миль на восток от мыса Доброй Надежды, а затем поворачивая на север, они сократили время перехода из Голландии в Батавию с восемнадцати до шести месяцев. Это помогло голландцам обнаружить Южный континент и исследовать его западное и северо-западное побережья. Отзывы голландских моряков о новой земле были обескураживающими. «Мы не видели ни одного плодоносящего дерева, — сообщалось в одном из отчетов, — ничего такого, что люди могли бы использовать для себя». Коренных жителей гол-

ландские моряки характеризовали как «бедных и жалких негодяев».

В 1636 г. генерал-губернатором Батавии стал Антони Ван Димен. Этот человек был охвачен идеей расширения нидерландских владений в Южных морях, что очень ценилось и поощрялось руководством Ост-Индской компании. 16 сентября 1638 г. совет директоров компании писал Ван Димену: «Ваша милость действует мудро, уделяя большое внимание открытию Южной земли и золотосных островов, которые были бы весьма полезны компании, чтобы возместить ей тяжелое бремя и дать реальное ощущение доходности ост-индской торговли». По приказу Ван Димена два корабля под командованием капитана Абеля Тасмана в августе 1642 г. отправились из Батавии исследовать «остающуюся неизвестной часть земного шара».

Двигаясь на юго-восток от острова Маврикий, экспедиция достигла неизвестной земли, которая получила название Земли Ван Димена. Продолжая плавание, Тасман подошел к берегам Новой Зеландии, приняв ее за Южный материк. На следующий год Тасман исследовал северную часть Австралийского материка, но не нашел там ничего привлекательного для Ост-Индской компании, прежде всего золота и серебра. В результате Ост-Индская компания утратила интерес к дальнейшим исследованиям Южных морей.

Следующим европейцем, посетившим берега Новой Голландии, был англичанин Уильям Дампир.

Во второй половине XVII в. в трех морских войнах (1652—1654, 1665—1667, 1672—1674) Англия нанесла Голландии сокрушительные поражения, низведя ее до положения второстепенного европейского государства. Став самой могущественной торговой и морской державой мира, Англия прочно утвердилась и на тихоокеанской арене.

В январе 1688 г. Дампир достиг берегов Австралии и пробыл там три месяца. В следующем году он снова был послан к Южному континенту. На этот раз Дампир исследовал северо-западную часть континента протяженностью 600 миль. Но недостаток питьевой воды заставил Дампира прервать работу и повернуть корабль к острову Тимор.

Начало британской колонизации в Южных морях было положено путешествиями Джеймса Кука.

Во время своего первого плавания в Тихом океане в марте 1770 г. Кук закончил исследование берегов Новой Зеландии; в апреле его корабль, плывя к северо-западу от Новой Зеландии, вошел в австралийские воды.

19 апреля 1770 г. взорам англичан открылись берега Австралии. «Я назвал это место Хикс, — писал в своем дневнике Дж. Кук, — потому что лейтенант Хикс был первым, кто увидел эту землю». Подыскивая подходящее для высадки место, Кук шел вдоль берега на север, пока не достиг места, названного им Ботани-Бей, поскольку ботаники, принимавшие участие в экспедиции, обнаружили там большое количество неизвестных им ранее видов растений, птиц и животных.

29 апреля 1770 г. матросы высадились на берег. Аборигены осыпали англичан градом камней и копий, англичане ответили залпами из ружей. «Таким образом, — грустно отмечает современный австралийский историк М. Кларк, — европеец начал свое трагическое общение с аборигенами восточного берега». До 6 мая Кук исследовал район Ботани-Бей, а затем продолжил свое плавание. Выйдя к северу от Кейп-Йорка, он убедился, что открытый им материк отделен проливом от Новой Гвинеи. Сойдя на берег одного из островов Торресова пролива, названного Поссешен, Кук водрузил на нем британский флаг, заявив, что отныне власть британского государя распространяется на весь восточный берег материка от 38° южной широты до острова Поссешен. При этих словах стоявшие рядом матросы дали три залпа из ружей, с корабля ответили выстрелами из пушек. Восточная часть Австралии, названная Куком Новым Южным Уэльсом, стала собственностью британской короны.

В предисловии к «Путешествию к Terra Australis» Флиндерс справедливо замечает: «Путешествия, которые были предприняты в семнадцатом и восемнадцатом столетиях голландскими и английскими мореплавателями, привели к открытиям различных обширных районов суши в Южном полушарии. Было известно, что эта земля, почти равная по размерам Европе, отделена от всех остальных частей света; географы были даже склонны именовать ее континентом, однако оставались сомнения относительно ее целостности. Обращалось внимание на то, что, поскольку наши знания о некоторых частях этой земли не основываются на достаточно достоверной информации, а о других ее частях мы совершенно ничего не зна-

ем, может оказаться, что это не одна большая земля, а не что иное, как отдельные большие острова».

Для британского правительства эти географические детали долгое время после плавания Кука не имели сколько-нибудь существенного значения. Открытие Кука было, так сказать, принято к сведению, но практически не реализовалось.

Идеологи колониализма обычно стремятся доказать, что колонизация заморских территорий была объективно необходима вследствие перенаселения европейских государств. Однако история британской колонизации Австралии убедительно опровергает это утверждение. Лишь через восемнадцать лет после посещения Куком восточных берегов Австралии английское правительство вспомнило о своих «правах» на этот материк и приступило к его колонизации.

Но и в 80-х годах XVIII в. в Австралию начали переселяться не жители английских городов, а обитатели английских тюрем. Развитие капитализма в Англии сопровождалось страшным обнищанием народных масс.

С конца XV в. в сельском хозяйстве Англии наблюдалось быстрое развитие овцеводства за счет сокращения земледелия. Крупные землевладельцы во все более широких масштабах превращали свои земельные угодья в пастбища. Более того, они захватывали общинные земли, сгоняли крестьян с их наделов и все земли превращали в пастбища. При этом сносились не только отдельные крестьянские дома, но и целые деревни.

Крестьяне, лишившись земли, не имея возможности найти работу, вливались в огромную армию бродяг, скитавшихся по стране без средств к существованию. Те из них, кому удавалось найти работу на мануфактурах или крупных фермах, попадали в условия безжалостной эксплуатации. Рабочий день в централизованной мануфактуре продолжался 14—16 часов и более. В мануфактурной мастерской произвол хозяина был неограничен. Заработной платы не хватало даже на хлеб, поэтому широкое распространение получило нищенство. На мануфактурах применялся детский труд. Дети часто начинали работать с пятилетнего возраста.

Результатом социальных бедствий был рост преступности. Английские уголовные законы того времени отличались необычайной жестокостью. Смертная казнь предусматривалась за 150 видов преступлений — от убий-

ства до кражи из кармана носового платка. Разрешалось вешать детей, достигших семилетнего возраста.

Чтобы разгрузить тюрьмы, власти отправляли каторжников в Северную Америку. Плантадоры охотно оплачивали доставку даровой рабочей силы. Они платили от 10 до 25 фунтов стерлингов за человека, в зависимости от его квалификации. В период между 1717 и 1776 гг. примерно 30 тыс. заключенных из Англии и Шотландии и 10 тыс. из Ирландии были высланы в американские колонии.

Когда же американские колонии добились независимости, британское правительство попыталось выслать заключенных в свои колонии в Западной Африке. Последствия оказались катастрофическими. Губительный климат приводил к колоссальной смертности среди ссыльных. В 1775—1776 гг. в Западную Африку было отправлено 746 заключенных. Из них 334 человека умерли, 271 человек погиб при попытке к бегству, об остальных министерство внутренних дел сведений не имело. Английское правительство отказалось от использования западноафриканских колоний как места ссылки.

Прошло немало лет, прежде чем правительству Англии пришла мысль отправлять заключенных в Австралию. Этому немало способствовал Дж. Бэнкс. В 1779 г. он рекомендовал правительству исследовать Ботани-Бей, представлявший, как он утверждал, идеальное место для ссыльного поселения.

В 1783 г. Дж. Бэнкса поддержал Дж. Матра, который также принимал участие в экспедиции Кука. Его семья сражалась с американскими колонистами на стороне английских войск. Матра предлагал предоставить колонистам бывших британских владений в Америке, оставшимся верными Великобритании, земельные участки на территории Нового Южного Уэльса. Матра рекомендовал также переселять коренных жителей тихоокеанских островов в Австралию и раздавать их американским колонистам как рабочую силу. В 1785 г. в поддержку скорейшей колонизации Австралии выступил адмирал Дж. Янг.

Наконец правительство начало действовать. В 1786 г. был подготовлен план создания ссыльной колонии в Австралии. В январе 1787 г. король Георг III сообщил об этом плане в своей речи в парламенте. Командовать транспортировкой первой партии ссыльных в австралий-

скую «колонию бесчестья», как тогда выражались, приказом министра внутренних дел лорда Сиднея было поручено капитану А. Филлипу. В его распоряжение было выделено два военных и девять транспортных судов.

Не следует думать, что в отдаленнейшую ссылку решено было отправлять наиболее опасных и закоренелых преступников. Совсем наоборот: туда посылались в основном люди, осужденные за мелкие преступления, например за кражу двух кип шерсти, буханки хлеба, четырех ярдов ткани, кролика или десяти шиллингов. В большинстве своем это были истощенные, слабые и больные люди, среди них несколько десятков стариков, одной женщине было 87 лет.

Подготовка экспедиции началась в марте 1787 г., а 13 мая 1787 г. флотилия покинула Англию. Плавание продолжалось более восьми месяцев. 26 января 1788 г. корабли вошли в залив Порт-Джексон. Из Англии отбыло 1026 человек, в том числе чиновников, их жен и детей, а также солдат — 211, ссыльных мужчин — 565, женщин — 192, детей — 18. Во время путешествия умерло 50 человек, родилось 42. Таким образом, в Австралию прибыло 1018 человек. Первым на берег высадился отряд моряков. Они водрузили британский флаг и дали залп из ружей.

Так было основано первое поселение колонии Новой Южной Уэльс, названное Сиднеем в честь британского министра внутренних дел. За моряками на берег сошли заключенные-мужчины (женщины были высажены лишь 6 февраля). Прибывших окружал девственный эвкалиптовый лес. Когда принялись за устройство колонии, увидели, как плохо были подобраны для этого люди. Среди ссыльных было лишь 12 плотников, один каменщик и ни одного человека, разбирающегося в земледелии или скотоводстве. Понятно, с какими трудностями пришлось встретиться колонистам.

Торжественное открытие колонии состоялось 7 февраля 1788 г. Верховный судья колонии Д. Коллинз прочитал королевский указ, в соответствии с которым капитан Филлип назначался губернатором колонии Новой Южной Уэльс. Этим актом определялись границы колонии: с севера на юг — от полуострова Кейп-Йорк до Южного мыса со всеми островами, на запад — до 135° восточной долготы. Затем были прочитаны указы о назначении чиновников колонии и ее законодательство. В заключе-

ние Филлип произнес речь, в которой, в частности, сказал: «Мы находимся здесь, чтобы от имени британского народа овладеть пятым континентом планеты и создать государство, которое, как мы надеемся, будет не только управляться нашей великой страной, но и осуществлять также благотворное покровительство над всем Южным полушарием. Столь грандиозна перспектива, открывающаяся перед молодой нацией».

Губернатор наделялся такими широкими полномочиями, каких не имел ни один администратор в британских колониях. Он ведал внешней и внутренней торговлей, имел право раздавать земли по своему усмотрению, командовал вооруженными силами, производил все назначения на должности в колониальной администрации, имел право налагать штрафы, назначать наказания, вплоть до смертной казни, и освобождать от них.

В феврале 1788 г. Филлип впервые осуществил свое право карать колонистов смертной казнью. За кражу масла, свинины и гороха был повешен Т. Барретт. Через два дня за кражу муки к смертной казни были приговорены Дж. Фримен и его приятель. Филлип обещал отменить приговор, если Фримен согласится занять должность палача. Последний принял предложение и стал первым государственным палачом в истории Австралии.

Колонисты встретились в Австралии с большими трудностями. Истощенным людям было не под силу валить гигантские деревья и рыхлить каменистую почву. Филлип сообщал в своем отчете, что для двенадцати человек требуется пять дней, чтобы срубить и выкорчевать одно дерево.

У Филлипа были и другие заботы. Через шесть дней после того, как англичане высадились на берег, в Ботани-Бей вошли два французских военных корабля под командой капитана Лаперуза. Следует сказать, что Франция весьма ревниво следила за успехами англичан в Южных морях. Узнав о намерении Англии приступить к колонизации Австралии, французское правительство послало туда Лаперуза, чтобы захватить часть Австралийского материка. Как ни спешили французы, они и здесь отстали от англичан.

Французское правительство не отказалось от намерения создать колонии на территории Австралии. В 1801 г. корабли «Географ» и «Натуралист» под коман-

дованием Николаса Бодена исследовали западную часть Австралийского материка. Эти и другие попытки Франции проникнуть в Австралию окончились неудачно, однако они вынуждали англичан торопиться с оккупацией всего Австралийского материка.

Все это было позже, а в 1788 г. приход Лаперуза вызвал волнение среди ссыльных, увидевших реальную возможность бежать из этого казавшегося им гибельным места. Группа заключенных обратилась к французскому капитану с просьбой взять их на корабли. Они обещали за это привести с собой самых хороших женщин из числа каторжанок. Лаперуз отказал англичанам. Но когда французские корабли покинули Ботани-Бей, губернатор Филлип недосчитался двух самых привлекательных женщин колонии. Галантный французский капитан захватил их с собой.

Для обеспечения лучшего надзора за колонистами почти все они были сосредоточены на небольшой территории. Лишь маленькие группы отправились в район Парраматты и на остров Норфолк, где земли были более пригодны для земледелия, чем в Новом Южном Уэльсе. Однако и там не удалось собрать сколько-нибудь значительный урожай.

В Парраматте, например, в ноябре 1788 г. было собрано 200 бушелей пшеницы и 35 бушелей ячменя. Весь этот урожай пошел на семена для следующего посева. В Новом Южном Уэльсе дело обстояло еще хуже. Пшеница, маис, а также семена некоторых овощей, посеянные кое-как людьми, не имевшими опыта сельскохозяйственных работ, вообще не дали всходов. Привезенное продовольствие быстро истощалось. В колонии начался голод. Корабли с припасами, как это было обещано правительством, из Англии не пришли. В начале 1789 г. губернатор послал фрегат «Сириус» к мысу Доброй Надежды за продовольствием. Корабль доставил 127 тыс. фунтов муки, но ее хватило ненадолго. Урожай, собранный в декабре 1789 г., был опять очень мал, и его решили оставить для нового посева в надежде, что скоро подойдут корабли из Англии. Но их по-прежнему не было.

Тогда Филлип, полагая, что на Норфолке собран хороший урожай, решил послать туда часть ссыльных. В феврале 1790 г. к острову отправились корабли «Снабжение» и «Сириус», на которых находилось 184 взрослых и 27 детей. 13 марта оба судна достигли острова, и

прибывшие хотели высадиться на берег. Но поднявшаяся буря заставила корабли уйти в море. Через шесть дней они опять подошли к берегу, при этом «Сируис» наткнулся на риф и затонул. Выбравшиеся на берег люди узнали, что собранный на острове урожай не может обеспечить даже население Норфолка. Корабль «Снабжение» был вынужден доставить ссыльных обратно в Сидней. Недельный рацион питания колонистов был уменьшен до трех фунтов муки и полфунта солонины. «Счастливым себя чувствует тот человек, — писал тогда один из чиновников колонии, — которому удастся убить крысу или ворону. Блюдо, приготовленное из них, считается деликатесом».

Вместе с первой партией ссыльных в Сидней завезли европейских домашних животных, которые должны были стать основой для развития скотоводства в новой колонии. Многие животные погибли еще в пути. В мае 1788 г. в колонии осталось семь голов крупного рогатого скота и столько же лошадей, 29 баранов и овец, 19 коз, 25 свиней, 50 поросят, 5 кроликов, 18 индюшек, 35 уток, 29 гусей, 122 курицы и 87 цыплят. Все они, кроме лошадей, овец и коров, были съедены колонистами. Оставшиеся животные в основном погибли из-за отсутствия привычных для них кормов. Небольшое количество овец, выживших и приспособившихся к австралийским пастбищам, были разорваны собаками динго.

Голод в колонии усиливался. Никакими карами нельзя было удержать голодных людей от разграбления магазинов, от кражи продовольствия. А кары эти были весьма суровы. За кражу пары картофелин, например, наказывали 500 ударами кнута и на шесть месяцев лишали полагающейся порции муки.

С возвратившимися в Англию кораблями губернатор Филлип послал британскому правительству письма, в которых просил срочно прислать продовольствие и сельскохозяйственные орудия, а также свободных поселенцев для организации ферм, обещая передать последним в качестве рабочей силы заключенных. Но ответа не последовало.

Наконец 3 июня 1790 г. австралийские колонисты увидели входящее в залив британское судно «Леди Юлиана». Это был первый из кораблей Второго флота, посланного английским правительством в Австралию. Велико же было разочарование колонистов, когда они

узнали, что на корабле не было продовольствия, зато находилось 222 женщины-каторжанки.

Позднее подошли и другие суда Второго флота, доставившие в Новый Южный Уэльс еще свыше 1000 ссыльных. В составе этого флота было судно, груженное продовольствием, но 23 декабря 1789 г. у мыса Доброй Надежды оно наскочило на айсберг. Чтобы спасти начавшее тонуть судно, пришлось выбросить в море все запасы продовольствия.

Условия транспортировки ссыльных были чудовищны. Судовладельцы получали 17 фунтов 7 шиллингов 6 пенсов за каждого человека, независимо от того, будет он доставлен в Австралию живым или мертвым. Поэтому на кораблях старались погрузить как можно больше заключенных.

Чтобы ссыльные не сбежали во время плавания, их сковывали рядами, и в таком положении они находились в трюмах кораблей многие месяцы пути. Бывали случаи, когда умершие подолгу оставались среди живых, которые скрывали смерть своих товарищей, чтобы получать их порции пищи. В пути умерло 267 человек. Из оставшихся в живых 488 были тяжело больны. В течение шести недель после прибытия в Сиднее умерло еще около 100 человек.

До августа 1791 г. в колонию прибыло 1700 ссыльных, а в сентябре того же года — еще около 1900 человек. Таким образом, население Нового Южного Уэльса превысило 4 тыс. человек (вместе с солдатами и чиновниками).

Сколько-нибудь удовлетворительных урожаев собрать по-прежнему не удавалось. И если бы не продовольствие, доставленное на нескольких кораблях из Англии, население колонии погибло бы с голоду. А транспортировка каторжников все продолжалась.

Положение в Новом Южном Уэльсе оставалось плачевным. Капитан Филлип должен был создать в Австралии самокупающуюся колонию, но в течение пяти лет его губернаторства Новый Южный Уэльс полностью зависел от поставок из Англии. За это время колония стоила английскому правительству 500 тыс. фунтов стерлингов.

Как уже отмечалось, Филлип настойчиво просил правительство организовать отправку в Новый Южный Уэльс свободных поселенцев, чтобы создать более устой-

чивую основу колонизации отдаленного материка. В одном из писем губернатор писал: «Пятьдесят фермеров со своими семьями в один год сделают для создания самоснабжающейся колонии больше, чем тысяча ссыльных». Но желающих добровольно ехать в «колонию бесчестья» в Англии было очень мало. За первые пять лет существования колонии туда прибыло лишь пять семей свободных колонистов, хотя британское правительство брало на себя все расходы по переезду, бесплатно снабжало их продовольствием в течение двух лет, дарило землю и предоставляло в распоряжение переселенцев ссыльных для обработки земли; даже питание этих ссыльных осуществлялось за счет казны.

Филлип давал землю заключенным, отбывшим сроки наказания, солдатам и матросам. Но и их было очень мало (в 1791 г. — всего 86 человек), и обрабатывали они немногим более 900 акров земли. Лишь после того как губернатор получил право сокращать сроки наказания, ему удалось довести общий размер участков, обрабатываемых освобожденными ссыльными, до 3,5 тыс. акров. Как видим, картина, которую нарисовал колонистам капитан Филлип в своей первой речи после высадки в Ботани-Бее в 1788 г., не имела ничего общего с реальной действительностью.

В 1792 г. Филлип вернулся в Англию. Вместо него на пост губернатора Нового Южного Уэльса был назначен молодой офицер Джон Хантер, служивший под началом Филлипа в Первом флоте в качестве помощника капитана «Сириуса». Для плавания в Новый Южный Уэльс были выделены корабли «Уверенность» и «Снабжение». Капитаном «Уверенности» Хантер назначил Генри Уотерхауза, с которым он плавал на «Сириусе» и который теперь служил первым помощником капитана «Беллерофона». Хотя и не сохранилось никаких документальных данных, но можно предположить, что Уотерхауз, зная высокую морскую квалификацию Флиндерса и его страстное желание исследовать новые земли, предложил молодому офицеру участвовать в плавании к берегам Нового Южного Уэльса. Впоследствии в предисловии к своей книге «Путешествие к Terra Australis» Флиндерс писал: «Автор этого отчета, который был тогда гардемарин и незадолго перед тем вернулся из плавания к Южным морям, охваченный страстью к исследованию новых стран, воспользовался случаем, представлявшим

ему, кроме всего прочего, прекрасную возможность осуществить свою заветную мечту».

Родственники отговаривали Флиндерса от участия в новом плавании. Но он не только не послушался их, но и сманил младшего брата. Сэмюэла.

Назначение Хантера было утверждено 6 февраля 1794 г. Плавание же началось 15 февраля 1795 г.: целый год тянулись приготовления. В составе большого конвоя «Уверенность» и «Снабжение» миновали Ламанш и вышли на простор Атлантического океана. На борту «Снабжения» помимо всяких припасов находились городские часы, которые предполагалось установить в Сиднее, и ветряная мельница в разобранном виде.

Хантер опасался делать остановку в голландских владениях на юге Африки, поскольку Голландия в то время была союзницей Франции. Поэтому он решил идти к берегам Бразилии и там запастись всем необходимым для безостановочного плавания в Сидней. 6 марта корабли подошли к острову Тенерифе в группе Канарских островов, откуда Флиндерс послал своим сестрам письма, которые отражали приподнятое настроение двадцатилетнего моряка. «Маленький Сэмюэл, — сообщал он, — прекрасно перенес все штормы и ни в коей мере не утратил того высокого духа, который привел его на борт корабля вместе со мной». Врач из Донингтона вряд ли мог надеяться, что младший сын унаследует его профессию.

Надо сказать, что на борту «Уверенности» находился еще один линкольнширец — приятель Мэтью — Джордж Басс. Он участвовал в плавании как судовой врач. Басс также был охвачен идеей исследования новых земель. Помимо медицины он обладал обширными знаниями в ботанике и зоологии. Позднее Басс писал Бэнксу, что предпринял поездку в Новый Южный Уэльс «с откровенным намерением исследовать страну в большей мере, чем это было сделано кем-либо из наших предшественников».

В Рио-де-Жанейро англичане запаслись продовольствием и водой на долгое путешествие. Плавание прошло благополучно. 7 сентября 1795 г. корабли прибыли в Сидней.

Интересно отметить, что Флиндерс, многие сотни страниц посвятивший описанию исследований пятого континента, ни словом не упоминает об условиях жиз-

ни в Новом Южном Уэльсе. Надо полагать, что Флиндерс поступал так из осторожности. За время пребывания Флиндерса в Новом Южном Уэльсе положение там не только не улучшилось, но еще больше осложнилось.

Вместе с А. Филлипом в 1792 г. в Англию вернулся и отряд военных моряков, несший охранную службу. Единственной вооруженной силой в колонии стал полк Нового Южного Уэльса, солдаты которого начали прибывать в Австралию с 1791 г. Этот полк в основном формировался из солдат и офицеров, скомпрометировавших себя на прежнем месте службы воровством, пьянством и т. п. либо выпущенных из военных тюрем, где они отбывали наказание за различные уголовные преступления.

После отъезда Филлипа обязанности губернатора колонии стал исполнять командир полка майор Фрэнсис Гроуз.

На все гражданские должности он назначал своих офицеров, раздавал военным землю и заключенных для обработки полученных участков. Всего он роздал свыше 10 тыс. акров.

250 акров первоклассной земли в районе Парраматты получил один из офицеров полка — Джон Маккартур («отец австралийского овцеводства»). В то время он занимал пост инспектора общественных работ, в его распоряжении находилась вся рабочая сила колонии. Маккартур распределял заключенных для работы на фермах и вершил над ними суд по своему усмотрению. Не забывая и собственные интересы, широко используя труд заключенных на принадлежавших ему землях. Немудрено, что через два года Дж. Маккартур стал богатым человеком Нового Южного Уэльса.

Вскоре власть в Новом Южном Уэльсе перешла в руки офицеров полка. Они монополизировали все торговые операции колонии, и прежде всего торговлю спиртными напитками. Офицеры заставляли заключенных гнать для них спирт и продавали его по баснословно высоким ценам. Доход от продажи спирта достигал 500%. Видя это, изготовлением спирта занялись заключенные, отбывшие наказание и получившие земельные участки, а также солдаты полка. На эти цели шло зерно, предназначенное для приготовления хлеба.

«В этом новом маленьком земном аду, которым являлся ранний Сидней, — писал очевидец, — люди пре-

выше всего жаждали рома. Ради рома наиболее жестокие из заключенных по ночам убивали и грабили тех, кто его имел. Ромом они платили публичным женщинам... Ради рома они шпионили друг за другом и предавали друг друга солдатам и палачам».

Офицеры вскладчину покупали все товары, привозимые в колонию британскими судами, и перепродавали их населению, получая от этих операций до 300% прибыли.

Довольно скоро почти все заключенные работали на землях, принадлежавших офицерам полка. По существу, это был рабский труд, с той лишь разницей, что рабовладельцы сами кормили своих рабов, а заключенные, работавшие на офицеров, находились на государственном обеспечении.

Дж. Маккартур писал своему брату: «Изменения, которые мы осуществили со времени отъезда губернатора Филлипа, так велики и необычны, что рассказ о них может показаться неправдоподобным».

Марк Твен, посетивший Австралию в 90-х годах XIX в., когда в памяти населения были еще живы воспоминания об этих событиях, писал, в частности, в книге «По экватору»: «Офицеры взялись за торговлю, и притом самым незаконным способом... Они стали ввозить ром, а также изготавливать его на собственных заводах... Они объединились и подчинили себе рынок... Они создали замкнутую монополию и крепко держали ее в руках... Они сделали ром валютой страны — ведь там почти не было денег — и сохраняли свою пагубную власть, держа колонию под каблуком лет восемнадцать-двадцать... Они приучили к пьянству всю колонию. Они спаивали поселенцев, прибирали к рукам их фермы одну за другой и богатели, как крезы. Когда фермер вконец спивался, они сдирали с него семь шкур за глоток рома. Известен случай, когда за галлон рома стоимостью в два доллара фермер отдал участок земли, который через несколько лет был продан за сто тысяч долларов».

Ни Д. Хантер, ни сменившие его на посту губернатора колонии П. Кинг и У. Блай не смогли сломить господства офицеров полка, который к этому времени получил кличку «ромового корпуса». Блай, известный своим мужеством, храбростью и упорством, вступил в борьбу с офицерами полка: запретил им беспощинно торговать спиртными напитками, не позволил Маккартуру построить

винокурный завод. Тогда офицеры решили свергнуть губернатора. Они собрали полк и с развернутыми знаменами направились к его дому. Через полчаса Блай был арестован и заключен в казарму. Управление колонией взял в свои руки командир полка майор Джонстон. Маккартура он назначил секретарем колонии.

Это произошло 26 января 1808 г., через 20 лет после прибытия в Австралию Первого флота. В течение двух последующих лет власть в Новом Южном Уэльсе безраздельно принадлежала «ромовому корпусу». Блай целый год находился под арестом, а затем был отправлен на Землю Ван Димена, как тогда называли Тасманию.

Лишь в канун нового, 1810 г. в колонию прибыл Л. Маккуори, посланный английским правительством для наведения порядка, а вместе с ним 73-й пехотный полк. Л. Маккуори имел следующие инструкции: восстановить в должности Блая, но лишь на одни сутки, с тем чтобы принять у него дела; став губернатором колонии, Маккуори должен был отменить все назначения, судебные решения и раздачу земель, состоявшиеся со времени ареста Блая.

Л. Маккуори со скрупулезной точностью выполнил эти инструкции. Когда 17 января 1810 г. Блай вернулся с Земли Ван Димена в Сидней, Маккуори устроил ему пышную встречу — с салютами, парадом, иллюминацией и балом в губернаторском доме. После этого Блай был отправлен в Англию. Вместе с ним покинул Новый Южный Уэльс и «ромовый корпус» во главе со своим командиром Джоном. Дж. Маккартур также вынужден был покинуть Австралию. По прибытии в Англию оба они предстали перед судом. Но в это время Флиндерса уже не было в Австралии: он томился в плену на острове Маврикий, являвшемся тогда французским владением и называвшемся Иль-де-Франс.

В своей книге «Путешествие к Terra Australis» он сосредоточивает внимание лишь на географических исследованиях Южной земли. «Первой задачей в области морской географии, стоявшей перед новым исследованием, — писал Флиндерс, — было исследование Ботани-Бея, Брокен-Бея и Порт-Джексона, а также рек, впадающих в них. Ботани-Бей, конечно, был изучен капитаном Куком, что касается двух других гаваней, то были исследованы лишь входы в них... По прибытии в Порт-Джексон в сентябре я убедился, что изучение побережья не вышло

сколько-нибудь значительно за пределы трех гаваней, но даже и там многие реки не были исследованы». В 1795 г. береговая линия была обследована лишь на протяжении 100 миль, да и то недостаточно тщательно.

Перед молодыми линкольнширцами открывалось широчайшее поле деятельности. И они с энтузиазмом взялись за дело. «В мистере Джордже Бассе,— писал впоследствии Флиндерс,— я имел счастье найти человека, чья страсть к открытиям не могла быть охлаждена никакими препятствиями или опасностями... Мы решили завершить изучение восточного берега Нового Южного Уэльса».

В свое первое путешествие друзья отправились уже 26 октября, не пробыв в Сиднее и двух месяцев, на небольшом, семи футов длиной, боте, называвшемся «Мальчик с пальчик». Кроме Флиндерса и Басса на борту был Уильям Мартин, юный слуга Басса. Путешествие было коротким: оно окончилось 3 ноября 1795 г. За это время Флиндерс и Басс исследовали берега Ботани-Бея, а также реку Святого Георга, впадающую в залив. Они прошли по ней на 20 миль дальше, чем это было сделано до них. Доклад о своих исследованиях Флиндерс и Басс передали губернатору Хантеру, который прочитал его с большим интересом, особенно ту его часть, которая касалась реки Святого Георга. По распоряжению Хантера на берегах реки, исследованных линкольнширцами, было организовано поселение, названное Бэнкстаун. Поддержка Хантера была очень важна для Флиндерса и Басса, ибо, как впоследствии писал Флиндерс, «проекты, рождавшиеся в головах молодых людей, обычно определялись как романтические и встречались без энтузиазма даже при самом добром отношении».

Дальнейшие исследования были прерваны плаванием «Уверенности» к острову Норфолк, проходившим с 21 января по 5 марта 1796 г. Но уже через три недели после возвращения в Сидней Флиндерс, Басс и Мартин возобновили работу. Теперь их целью было изучение большой реки, впадавшей в море в нескольких милях к югу от Ботани-Бея, которая не была указана на карте Кука. Флиндерс и Басс опять воспользовались небольшим ботом, также называвшимся «Мальчик с пальчик», но в отличие от первого построенным не в Англии, а в

Сиднее. Экспедиция продолжалась с 25 марта по 2 апреля 1796 г. То, что принимали за большую реку, оказалось заливом, который исследователи назвали Порт-Хэкинг, в честь Генри Хэкинга — квартирмейстера корабля «Сириус», входившего в состав Первого флота.

Во время экспедиции Флиндерс и Басс проводили интенсивное изучение прибрежных районов. Так, они сообщили о «черных глыбах, очевидно сланцах». Впоследствии было установлено, что это уголь. Его разработка имела для развития колонии очень важное значение.

Вторая экспедиция проходила с большими приключениями, чем первая. Не успел «Мальчик с пальчик» выйти из Порт-Джексона, как был подхвачен сильным течением. Подул сильный северный ветер. Бот прошел на семь миль южнее того места, где была намечена высадка. Видя, что пристать к берегу невозможно, Флиндерс и Басс решили идти к двум островкам, показавшимся впереди. Попытка высадиться там окончилась неудачей. Пресная вода была на исходе. На третий день плавания англичане встретили в районе Ред-Понта двух аборигенов, которые сообщили, что пресную воду можно найти в реке, впадавшей в море в шести милях южнее Ред-Понта. Они согласились показать путь. Это были жители Ботани-Бея, и англичане немного понимали их речь. Река, показанная аборигенами, была столь мала, что даже на таком небольшом судне, как «Мальчик с пальчик», плыть по ней было очень трудно.

Пока бот шел по реке, англичане видели на ее берегах до десятка туземцев. Через милю река стала еще мельче. Англичане встревожились: удастся ли уйти от аборигенов в случае, если те нападут на них, или нет? В Сиднее Флиндерс и Басс слышали немало рассказов о кровожадности коренных жителей. Путешественники решили выяснить намерения аборигенов и сошли на берег. Басс направился к группе людей и попросил их помочь ему починить сломанное весло, а Флиндерс стал сушить на солнце отсыревший порох. Действия Флиндерса не привлекли внимания аборигенов, поскольку они не понимали назначения пороха, но, когда англичане стали чистить мушкеты, начался такой переполох, что они поспешили прекратить это занятие. Тем временем число аборигенов, окружавших англичан, продолжало расти. Росла и тревога путешественников. Но все кончилось совершенно неожиданным образом. Дело в том,

что Флиндерс постриг волосы двум туземцам, встреченным у Ред-Понта. Теперь они с гордостью демонстрировали свои прически собравшимся. Тем тоже захотелось постричься, и Флиндерсу пришлось открыть «парикмахерскую» на берегу реки. Благодарные дети природы помогли англичанам запастись пресной водой. Флиндерс и Басс пустились в дальнейшее плавание. Они исследовали побережье к югу от Ботани-Бей, обнаруженные же острова они назвали в честь юного слуги Басса островами Мартина. Опасаясь встреч с местными жителями, англичане в большинстве случаев ночевали на корабле «Мальчик с пальчик». Так было и в ночь на 30 марта. Но она прошла не так спокойно, как предыдущие. Предоставим слово Флиндерсу: «В десять часов неутихающий ветер, который нагонял со всех сторон грозовые тучи, перешел в штормовой, дующий с юга, что заставило нас сняться с якоря и идти по ветру. Через несколько минут поднялись огромные волны; особую опасность для нашего судна представляла сгущавшаяся темнота, в которой невозможно было найти спасительное убежище. Тени от скал, поднимавшихся над нашими головами, и шум прибоя указывали нам путь: мы двигались параллельно берегу... Каждое неверное движение или малейшая невнимательность могли стоить нам жизни... Через час, который показался вечностью, мы увидели впереди высокие буруны, но за ними не было видно теней от скал.

Надо было в считанные секунды решать, что делать, ибо наше судно оказалось на краю гибели. Подойдя к самым бурунам, мы, улучив удобный момент, повернули бот по ветру, сняли мачту и парус, вынули весла. Затем, проскользнув мимо рифа между набегавшими громадными волнами, подошли к краю бурунов и через три минуты были в спокойной воде. Что-то белевшее впереди на короткое время озадачило нас, но вскоре мы увидели берег хорошо защищенной бухты, в которой «Мальчик с пальчик» бросил якорь... Столь неожиданный переход от ужасной опасности к совершенной безопасности вызвал реакцию, которая не давала нам некоторое время заснуть: мы решили, что бухта Провидения будет хорошим названием для этого места».

2 апреля «Мальчик с пальчик» прибыл в Сидней. Губернатор Хантер весьма одобрительно отозвался о результатах плавания. Флиндерс и Басс готовы были сра-

зу же начать подготовку к новой экспедиции, но Хантер дал им поручение, которое отвлекло их от любимого занятия на целых полтора года.

Стремясь наладить хозяйственную жизнь колонии, Хантер решил послать «Уверенность» и «Снабжение» в Кейптаун, с тем чтобы доставить оттуда в Новый Южный Уэльс коров и овец.

Корабли покинули колонию в конце сентября 1796 г. Они шли в Кейптаун с востока мимо мыса Горн, сделав лишь одну остановку на острове Норфолк. Во время плавания Флиндерс сдал квалификационный экзамен и получил звание лейтенанта. Три месяца корабли простояли у берегов Южной Африки. В начале апреля 1797 г., погрузив скот, запасы продовольствия и воды, «Уверенность» и «Снабжение» двинулись в обратный путь. 10 апреля начался шторм, так сильно потрепавший «Уверенность», что возникли большие опасения, сможет ли судно добраться до Нового Южного Уэльса. Но все кончилось благополучно, и 26 июня корабли вернулись в Сидней.

Старое судно «Уверенность», получившее серьезные повреждения во время шторма, требовало большого ремонта, на который ушло бы несколько месяцев. Наблюдать за ремонтом судна было поручено Флиндерсу. Нетрудно представить себе его огорчение: полный страстного желания продолжать исследование континента, еще во многом остававшегося таинственным, он вынужден был сидеть на месте, выполняя рутинную работу. Он был бы еще более огорчен, если бы знал содержание письма, посланного Хантером Бэнксу 1 августа 1797 г. В нем Хантер писал: «Я искренне желаю, чтобы правительство прислало сюда гидрографа с соответствующим кораблем для изучения здешнего побережья. Я склонен думать, что в Австралии могут быть сделаны многие важные открытия. В этой земле много и других руд, кроме железной: по крайней мере, мне так кажется. Но этим должен заняться минералог, ибо... мое время полностью занято наблюдением за общественными делами и принятием мер, призванных установить хоть какой-то порядок. У меня нет ни мгновения, которое я мог бы уделить многим делам, доставляющим мне наслаждение и заслуживающим того, чтобы привлечь мое внимание». Из этого письма следует, что, несмотря на одобрение деятельности Флиндерса и Басса, Хантер

не считал их способными руководить крупномасштабными работами по исследованию побережья колонии.

Однако в Лондоне не спешили с рассмотрением предложения Хантера об изучении берегов Нового Южного Уэльса, находящихся в 12 тыс. милях от Альбиона. Другие заботы занимали британское правительство. Обстановка в Европе все более осложнялась. После переворота во Франции в ночь на 18 фруктидора (4 сентября 1797 г.) Директория значительно активизировала свою внешнюю политику. В феврале 1798 г. французские войска захватили Берн, а в июне произошел переворот, в результате которого была создана новая «дочерняя республика» — Гельветическая. Женева, важнейший традиционный торговый пункт, была присоединена к Франции и превратилась в центр нового Леманского департамента. В феврале 1798 г. французские войска вошли в Римскую область и содействовали провозглашению Римской республики. В мае того же года сильный французский флот направился к берегам Египта, где 21 июля произошла знаменитая битва у пирамид, окончившаяся разгромом мамлюков и вступлением французских войск в Каир. Стремительно восходила звезда Наполеона. Не за горами был переворот 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), а с ним и возникновение угрозы вторжения французской армии на Британские острова. Где уж тут было думать об изучении «колонии бесчестья»!

Хантер же справедливо полагал, что тщательное исследование берегов Нового Южного Уэльса — неотложная проблема. Если о конфигурации восточных и северных берегов колонии англичане после плаваний Кука имели какое-то представление, то о южных берегах почти ничего не было известно. Не знали даже, чем является Земля Ван Димена — островом или частью континента. В 1789 г., плывя на «Сириусе» мимо Земли Ван Димена, Хантер видел сильное восточное течение и «неизвестное огромное море», как писал он впоследствии в своих записках. Губернатор выдвинул предположение, что существует «или очень глубокий залив, или пролив, который отделяет Землю Ван Димена от Новой Голландии». Записки Хантера были опубликованы в 1793 г. В том же году француз Лабильердьер высказал аналогичную догадку.

Хантер решил не дожидаться ответа из Лондона, а действовать самостоятельно. Поскольку Флиндерс все

еще был занят ремонтом «Уверенности», губернатор распорядился, чтобы исследования у южных берегов колонии провел Басс.

3 марта 1797 г. Басс с шестью матросами из экипажей «Уверенности» и «Снабжения» отправился на вельботе в экспедицию. Он прошел вдоль побережья до пункта Вестерн-Порт. Вернувшись в Сидней, он высказал уверенность, что существует пролив, но прямых доказательств у него не было, хотя это плавание имело большое значение для выяснения вопроса. В своей книге «Путешествие к Terra Australis» Флиндерс высоко оценил исследования Басса: «Наши ранние представления о побережье едва ли выходили за Рем-Хэд; и там уже начиналась неизвестность, в которую первым проник мистер Басс... Плавание в открытой лодке в шестистах милях от берега в основном в условиях неблагоприятного климата не имеет, возможно, равных в анналах истории мореходства. Высокий дух и способности руководителя должны быть вознаграждены. Но эта награда, увы, не более чем почетное место в списке тех, чьи усилия в углублении полезных знаний были наиболее заметны».

Награда, полученная Бассом от Хантера, была более материальной. Губернатор передал в его собственность сто акров правительственных земель в Бэнкстауне на реке Святого Георга, исследованной ранее им и Флиндерсом.

За три недели до возвращения Басса Хантер послал шхуну «Фрэнсис» на юг, к северо-восточному побережью Земли Ван Димена, для того чтобы забрать остатки груза с корабля «Сиднейская бухта», потерпевшего там крушение. Это небольшое судно шло из Бенгалии в Порт-Джексон год тому назад и наскочило на скалы у острова Прозервейшн. Экипаж и большая часть груза были ранее доставлены в Сидней. Хантер распорядился, чтобы Флиндерс участвовал в этом плавании в качестве пассажира, надеясь, что молодой человек, увлеченный изучением новых земель, произведет исследования островов, расположенных у северо-восточных берегов Земли Ван Димена, особенно островов группы Фюрно. Хантер считал, что это поможет ответить на вопрос о том, чем является Земля Ван Димена — островом или частью континента.

Но плавание в качестве пассажира значительно ог-

раничивало возможности Флиндерса: он не мог изменить курс корабля, не мог требовать выполнения необходимых гидрографических работ. Тем не менее результаты наблюдений Флиндерса были весьма интересными. Флиндерс начал составление карты этого района южного побережья континента. Он подтвердил наличие сильного восточно-западного течения от мыса Хау.

Басс возвратился из плавания 24 февраля, а Флиндерс — 9 марта. Хантер послал письмо Бэнксу, в котором сообщал о результатах обеих экспедиций.

Через некоторое время после возвращения «Фрэнсиса» Флиндерс опять совершил плавание к острову Норфолк, но это не продвинуло вперед выполнение программы исследований южного побережья континента, ибо погода в осенний для здешних широт период была неблагоприятна.

В сентябре 1798 г. Флиндерс и Басс по распоряжению Хантера начали подготовку к плаванию, которое должно было окончательно решить вопрос о том, существует пролив между Землей Ван Димена и континентом или нет. В инструкции, которую Хантер дал Флиндерсу, назначенному руководителем экспедиции, предписывалось «обойти позади (т. е. с запада.— К. М.) острова Фюрно и, если пролив будет обнаружен, пройти его и вернуться, обогнув с юга Землю Ван Димена, произведя такие наблюдения и исследования, какие возможно будет сделать».

Для этой экспедиции было выделено небольшое судно «Норфолк». Команда состояла из восьми человек, служивших на кораблях «Уверенность» и «Снабжение».

7 октября «Норфолк», сопровождаемый частным судном «Наутилус», на котором находилось продовольствие для двенадцатинедельного плавания, вышел из Сиднея. Ведя исследование по программе, намеченной Хантером, Флиндерс к 8 декабря привел «Норфолк» к северо-западной оконечности Земли Ван Димена. В течение нескольких дней Флиндерса и Басса не покидало беспокойство: берег упрямо тянулся в северо-западном направлении, и им уже стало казаться, что, идя вдоль берега, они попадут в Вестерн-Порт, обнаруженный Бассом во время плавания на вельботе. Но наблюдение за течениями улучшило настроение исследователей. Оно давало основание верить, как впоследствии писал Флиндерс, «не только в реальное существование пролива

между этой землей и Новым Южным Уэльсом, но также в то, что вход в Южный Индийский океан может быть не столь далеко».

На следующий день, 9 декабря, «Норфолк», шедший вдоль побережья, резко повернул на юг. Вскоре Флиндерс и Басс увидели вдающуюся далеко в море возвышенность, которую Басс заметил во время своего плавания на вельботе. Теперь они уже твердо знали, что сделали открытие: нашли проход в Индийский океан между Новым Южным Уэльсом и Землей Ван Димена.

В этот великий для Флиндерса и Басса день произошло примечательное событие, скрупулезно записанное Флиндерсом в его «Путешествии к Terra Australis»: «Днем появилась огромная стая бакланов, летящих на юг. За ними следовало такое множество темно-коричневых буревестников, какого я никогда нигде не видел. Летящие птицы занимали полосу в 300 ярдов шириной и от 50 до 80 ярдов глубиной; птицы летели компактно, крыло к крылу. Этот поток шел без перерыва в течение полутора часов. Предположив, что глубина потока 50 ярдов, ширина 300 ярдов, скорость полета птиц 30 миль в час, а занимаемое каждой птицей пространство 9 кубических ярдов, можно определить их число. Оно составляет 151 500 000. Для разведения такого числа птиц необходимо 75 750 000 гнезд, и если считать, что каждое гнездо занимает один квадратный ярд, то, размещаясь, эти птицы займут более 18,5 квадратной мили земной поверхности».

Исходя из этого, Флиндерс сделал вывод, что где-то к югу, вероятно, находятся необитаемые острова, где гнездятся эти птицы и откуда они днем вылетают на поиски пищи.

К концу девятой недели плавания вокруг Земли Ван Димена «Норфолк» достиг мыса Южный. Рождество Флиндерс, Басс и их спутники встретили в заливе Стом. Там они исследовали район реки Деруэнт. Наконец 4 января 1799 г. «Норфолк» покинул Землю Ван Димена, а 11 января был уже в Сиднее.

Плавание «Норфолка» имело важные последствия. Открытие пролива сокращало время пути из Индии, а также от мыса Доброй Надежды в Новый Южный Уэльс на неделю. Исследование северного и южного побережий Земли Ван Димена позволило колониальным властям в скором времени начать освоение острова.

Первые английские поселения на Земле Ван Димена возникли в районах, исследованных Флиндерсом и Бассом: в 1803 г.— на юге острова в районе современного города Хобарта, а в 1804 г.— на севере, там, где теперь находится город Лонсестон. Постепенно был освоен весь остров, и в декабре 1825 г. создана британская колония, независимая от Нового Южного Уэльса. В 1854 г. она получила название Тасмания в честь первооткрывателя острова Абеля Тасмана.

По прибытии в Сидней Флиндерс начал работать над составлением карты побережья Земли Ван Димена. Ему предстояло дать названия открытым землям. Иногда он использовал их географическое положение или примечательные события, происшедшие там во время экспедиции (так появились мыс Северный, остров Альбатросов), но чаще — фамилии крупных политических деятелей, ученых и близких ему людей. Мыс Портленд был назван в честь британского министра внутренних дел, Порт-Дальримпль — в честь картографа Адмиралтейства, острова Хантер — в честь губернатора Нового Южного Уэльса, остров Уотерхауз — в честь капитана «Уверенности». Возвышенность на одном из островов в группе Кент, расположенных к северу от Земли Ван Димена, Флиндерс назвал Чеппелл-Маунт, имя Чеппелл он дал и группе небольших островков в юго-западной части архипелага Фюрно. Аннетт Чеппелл была подругой детства Флиндерса.

Открытый пролив Флиндерс назвал Бассовым, ибо, как он говорил Хантеру, «это дань уважения моему старому другу и спутнику за исключительные опасности и трудности, перенесенные им во время плавания на вельботе, и правильное суждение... относительно существования широкого открытого пространства между Землей Ван Димена и Новым Южным Уэльсом».

Дальнейшие события показали, что Хантер поступил правильно, начав на свой страх и риск проводить исследование побережья Нового Южного Уэльса. Лишь 1 февраля 1799 г. Бэнкс ответил на его письмо. В нем сообщалось, что «ситуация в Европе в настоящее время столь критическая и министры его величества настолько загружены делами чрезвычайной важности, что редко представляется возможность получить короткую аудиенцию, и только по тем делам, которые их более всего интересуют; рассмотрение же вопросов, связанных

с колониями, могу вас уверить, отодвинуто теперь далеко назад».

В течение нескольких месяцев после возвращения из плавания на «Норфолке» Флиндерс находился в команде корабля «Уверенность», стоявшего в Порт-Джексо́не. И Флиндерс, и Басс тяготились бездействием. Рутинная жизнь в столице колонии их угнетала. В конце концов Басс не выдержал и 29 мая 1799 г. покинул Новый Южный Уэльс. Он решил возвратиться в Англию на корабле «Наутилус», капитаном которого был его хороший знакомый Чарлз Бишоп. Флиндерс с большой грустью простился с Бассом и уезжавшим вместе с ним Мартином. Друзья никогда уже больше не встречались.

Вскоре после возвращения в Англию Басс женился на Елизавете Уотерхауз, сестре Генри Уотерхауза, капитана «Уверенности». Но страсть к далеким плаваниям у него не ослабевала. На паях с Бишопом Басс закупил товары для продажи в Новом Южном Уэльсе и отправился в плавание к пятому континенту на бриге «Венера».

«Венера» пришла в Сидней 29 августа 1801 г. Губернатором колонии был уже Ф. Кинг. Бассу не удалось реализовать весь привезенный груз, и Кинг предложил ему оставить непроданные товары на правительственных складах, а самому отправиться на тихоокеанские острова за соленой свиной, которую там можно дешево купить. Басс согласился с этим предложением и ушел в двенадцатимесячное плавание по Тихому океану, закончившееся весьма удачно.

По возвращении у Басса возникли новые коммерческие планы: он решил организовать на юге Новой Зеландии рыболовную станцию. Но сначала он отправился в Чили, для того чтобы приобрести необходимое оборудование. Покинув Сидней 5 февраля 1803 г., Басс бесследно исчез в просторах океана. Что с ним произошло во время плавания, осталось навсегда неизвестным.

После отъезда Басса в Англию в мае 1799 г. Флиндерс недолго оставался в колонии. Хантер послал его на «Норфолке» теперь уже на север для исследования залива Мортон, где сейчас расположен город Брисбен, и залива Херви. Они были открыты Куком, но он не заходил в них. Хантер надеялся, что будут обнаружены впадающие в заливы судходные реки. Команда судна была в основном та же, что и в предыдущем плавании.

Дополнительно в нее были включены брат Флиндерса гардемарин Сэмюэл Флиндерс и абориген по имени Бонгари как переводчик при возможных встречах с коренными жителями континента.

«Норфолк» покинул Сидней 8 июля, а через шесть дней вошел в залив Мортон. Почти сразу после высадки на берег англичане встретили аборигенов, но контакта с ними, несмотря на все усилия Бонгари, установить не удалось. Результаты гидрографических изысканий Флиндерса были также весьма неутешительны. Никаких рек он не обнаружил. В отчете о плавании Флиндерс утверждал, что на восточном побережье континента между 24° и 39° южной широты нет ни одной реки. Несомненно, он был бы очень огорчен, если бы дожил до времени, когда была открыта река Кларенс протяженностью 240 миль, не говоря уж о реке Брисбен, впадающей непосредственно в залив Мортон.

20 августа «Норфолк» вернулся в Сидней, где Флиндерс прожил полгода. Об этом периоде его жизни ничего не известно. Сохранилось лишь распоряжение Хантера от 1 января 1800 г. о передаче в собственность «Мэтью Флиндерса, лейтенанта с „Уверенности“, земельного участка размером 300 акров в районе Бэнкстауна».

В начале 1800 г. Хантер решил отправить «Уверенность» в Англию. Судно было в плачевном состоянии: дерево гнило, во многих местах зияли щели. Использовать его в колонии уже было невозможно. 3 марта 1800 г. «Уверенность» покинула Порт-Джексон, а 26 августа 1800 г. подошла к Портсмуту. Шесть с половиной лет Флиндерс не был в Англии. Он многое испытал, многое увидел, сделал важные открытия. Но главное дело всей его жизни было впереди. И начал его Мэтью Флиндерс менее чем через год после возвращения на родину.

В 1800 г. Флиндерсу было 26 лет, и он прослужил в британском флоте уже десять лет. Внешне казалось, что работа целиком поглощала его, что все помыслы молодого человека были сосредоточены на успешном продвижении по службе. Не удовлетворенный скромным званием младшего лейтенанта, Флиндерс по дороге на родину сдал в Кейптауне экзамены на более высокий чин, который по приезде его в Англию был утвержден Адмиралтейством.

Но частная переписка Флиндерса свидетельствует о том, что молодого человека терзали сомнения. В письме к Аннетт Чеппелл, датированном мартом 1799 г., Флиндерс с горечью признавался, что не удовлетворен своей профессией.

В феврале 1800 г. в письме к своему лондонскому знакомому Смиту Флиндерс просил помочь ему устроиться на приличную службу в Англии. «Дорогой друг,— писал Флиндерс,— я устал служить за жалкие гроши... в то время как другие наживают сотни и тысячи. Мне необходимо позаботиться о собственных интересах, кроме того, хочется быть самому себе хозяином, а не зависеть от капризов лордов Адмиралтейства... Я надеюсь собрать в Англии две-три тысячи фунтов для осуществления кое-каких коммерческих планов; если им будет сопутствовать хотя бы умеренный успех, мне, вероятно, удастся добиться полной независимости. Мне достаточно иметь репутацию честного человека и джентльмена».

Это письмо, написанное незадолго до отъезда из Нового Южного Уэльса, свидетельствует о внутренней борьбе, происходившей тогда в душе Флиндерса. За годы разлуки с Аннетт его чувство не только не остыло, но стало еще сильнее. Молодой человек все время думал о ней, надеялся, что она выйдет за него замуж. Флиндерс приходил в отчаяние от сознания, что его мизерного жалованья недостаточно, чтобы содержать семью. Он искал выхода, и поэтому в голову ему приходили всяческие коммерческие комбинации.

Но как ни был Флиндерс увлечен Аннетт, он не мог изменить своему призванию. И у него, человека целеустремленного и твердого, были тягостные душевные бури, мучительные колебания, желание все бросить, но в конце концов страсть к исследованию новых земель всегда побеждала. Но теперь она была не абстрактна: его неудержимо тянула к себе Австралия.

Во время долгого плавания в Англию Флиндерс составил карты Земли Ван Димена и побережья Нового Южного Уэльса, исследованных им, написал отчет, озаглавленный «Наблюдение берегов Земли Ван Димена и части побережья Нового Южного Уэльса».

Теперь Флиндерс был одержим идеей изучить всю береговую линию Австралии, многие районы которой оставались совсем не исследованными. Но как увлечь «сильных мира сего» своей идеей, как добиться, чтобы его, молодого офицера, поставили во главе экспедиции?

У Флиндерса было три официальных пути. Самым логичным было бы обратиться в Адмиралтейство, так сказать, по инстанции: ведь он был морским офицером. Правда, в то время Адмиралтейство не вело научно-исследовательских работ. Можно было подать ходатайство в Гидрографическое управление. Но оно лишь недавно было создано, и там Флиндерсу вряд ли удалось бы чего-нибудь добиться. Наконец, можно было обратиться в министерство внутренних дел, которое тогда занималось колониями (управление последними было передано в 1801 г. созданному тогда же министерству по делам войны и колоний). Но бесплодность такого шага была совершенно очевидна.

Существовал и неофициальный, но, по всей вероятности, самый надежный путь: обратиться к Ост-Индской компании. Эта мощнейшая организация обладала исключительными правами на торговлю со странами, расположенными к востоку от мыса Доброй Надежды. Компания была заинтересована в тщательном изучении береговой линии Австралии, морских путей, связывавших ее с азиатскими странами, в первую очередь Индией и Китаем.

Флиндерс понимал это. Поэтому, когда «Уверенность» сделала остановку у острова Святой Елены, в то время находившегося под контролем Ост-Индской компании, он посетил губернатора острова подполковника Роберта Брука и имел с ним долгий разговор. Можно предпо-

ложить, хотя никаких сведений на этот счет не сохранилось, что Флиндерс показал Бруку составленные им карты Земли Ван Димена и побережья Нового Южного Уэльса и познакомил губернатора с отчетом о своих исследованиях. Очевидно, Флиндерс получил соответствующие рекомендательные письма, которые могли пригодиться ему в Лондоне.

Однако по прибытии в Англию Флиндерс не использовал ни одного из упомянутых каналов. Он принял совершенно неожиданное решение. 6 сентября, через одиннадцать дней после того, как «Уверенность» пришла в Лондон, еще находясь на борту корабля, Флиндерс написал письмо Дж. Бэнксу. То, что случилось дальше, не имело прецедентов в истории британского мореходства. Молодой неизвестный офицер обратился к президенту Королевского общества, пользовавшемуся огромным влиянием, с предложением организовать сложную и дорогостоящую экспедицию и не только получил одобрение своей идеи, но и был назначен руководителем этой экспедиции.

Флиндерс действовал не по наитию. У него были реальные основания верить в успех. Хотя прошло уже тридцать лет с тех пор, когда Бэнкс плывал с Куком к восточным берегам Австралии, он не утратил интереса к этому континенту, тем более что именно он подал мысль о создании там колонии Новый Южный Уэльс. Дела в далекой колонии всегда очень интересовали Бэнкса, несмотря на то что у него было много разных обязанностей и забот.

Флиндерс начал письмо с короткого отчета о своих исследованиях восточного и юго-восточного побережий Нового Южного Уэльса, а затем перешел к главному: «Это исследование побережья и упомянутых заливов, в частности, дает основание думать, что Новая Голландия совсем не такая, как ее обычно представляют, ведь в районе от 18° или от 21° до 39° южной широты не обнаружено значительных рек, впадающих в море. Не исключено, что Новый Южный Уэльс отделен от Новой Голландии широким проливом... Командир американского судна по фамилии Уильямсон сообщил, что, поднимаясь на север от 45° до 10°15' южной широты, он не видел земли: указанная им долгота находится несколько к западу от юго-западной оконечности Земли Ван Димена. Это же следует из сообщения Ферлэйна,

командира бомбейского судна „Геркулес“... Если же такой пролив существует, то трудно переоценить преимущества, которые получают поселения на Земле Ван Димена, в Новом Южном Уэльсе или в восточных частях Новой Голландии в отношении их сообщений с Индией. Несомненно одно: огромная часть этой обширной страны остается или совершенно неизученной, или частично исследованной во времена, когда навигационная наука была значительно менее развита, чем в настоящее время. Интересы географии и естественной истории вообще и британской нации в частности требуют, чтобы эта единственная остающаяся неисследованная часть суши на нашей планете была тщательно изучена. Как сообщалось, недавно, частично с этой целью, был послан бриг „Леди Нельсон“. Сэр Джозеф Бэнкс, прошу извинить меня, но я полагаю, что это совершенно непосильная задача для одного корабля. Расширение знаний о проливе между Новой Голландией и Новой Гвинеей, а также о южном побережье первой, вероятно, самое важное, и такие знания могут быть приобретены в результате плавания вокруг Новой Голландии, предпринятого безотлагательно... Если этот план будет когда-либо принят, то вам, сэр Джозеф Бэнкс, сразу же станет ясно, что в экспедицию необходимо послать два корабля, один из которых по крайней мере должен быть значительно больше, чем „Леди Нельсон“... Если его величество пожелает, чтобы открытие Новой Голландии было завершено, и решит послать корабль вслед за бригом „Леди Нельсон“ для сопровождения его, а также если последние открытия в этой стране встретят столь благосклонное отношение, что это побудит поручить мне руководство экспедицией, я осуществлю его с усердием, которое, надеюсь, до сих пор характеризовало мою службу».

Флиндерс послал письмо по домашнему адресу Бэнкса. Но последний был в отъезде, и его возвращение в Лондон ожидалось лишь в ноябре.

Флиндерсу надо было набраться терпения. Он все еще находился на «Уверенности», и будущее представлялось ему совершенно неясным. Сильную душевную боль продолжала вызывать в душе Флиндерса смерть любимой сестры Елизаветы, о кончине которой он узнал, еще находясь в Новом Южном Уэльсе. Его тогдашнее настроение отразилось в письме к Аннетт, посланном

через двадцать дней после письма к Бэнксу. «Мой дорогой друг,— писал Флиндерс,— получили ли вы мои письма от 16 марта и 1 сентября 1799 г. и другое, от 2 сентября 1798 г.? Вы ответите — да. Но, дорогой друг, последнее ваше письмо датировано сентябрем 1797 г.! Если вы знаете, как я почитаю вас и как ценю вашу дружбу, то можете себе представить, каково мне было... Мое воображение постоянно следует за вами, но лорды Адмиралтейства все еще задерживают меня... Вы должны знать, с каким восторгом я рисовал в своем воображении встречу с вами по возвращении из плавания к Антиподам после шестилетней разлуки. И если я не ошибаюсь в вашем чувствительном сердце, вы хорошо поймете мое горе от потери любимой сестры... Это для меня тяжкий удар... Я не плачу — мир достаточно полон скорби и без моих стенаний... Конечно, мой самый дорогой друг, это время, похоже, будет наиболее критическим периодом в моей жизни. Я долго отсутствовал, выполняя такую службу за границей, какой и не ожидал, но она дала многое. У меня стало больше друзей, и они значительнее, чем прежние. Возможно, наступает момент, когда их усилия будут мне очень и очень полезны. Теперь я или сумею сделать резкий бросок вперед, или останусь бедным лейтенантом на всю жизнь».

Не получив ответа от Бэнкса, Флиндерс 16 октября написал аналогичное письмо в директорат Ост-Индской компании. 22 октября директорат рассмотрел предложение Флиндерса и передал его для дальнейшего изучения в комитет по судоходству. И в этом случае Флиндерс вынужден был ждать. Он покинул на время Лондон и поехал в родные края: ему очень хотелось повидаться с семьей и, конечно, со своей дорогой Аннетт.

Встреча с семьей была невеселой. Еще не улеглась боль от потери Елизаветы. Отец окончательно перестал надеяться, что сыновья станут продолжателями его дела. Это ожесточило его. Вернувшись в Лондон, Мэтью получил от отца письмо, в котором тот сообщал, что прекращает всякую финансовую помощь и ему, и брату Сэмюэлу.

После этого отец прожил недолго. Он умер в мае 1802 г.

В Лондоне Флиндерс наконец получил письмо от Бэнкса, который приглашал Мэтью к себе домой. Дальнейшие события стали развиваться с головокружитель-

ной быстротой. Письмо Бэнкса было написано 16 ноября, а уже 21 ноября Адмиралтейство выделило корабль для плавания. Дело в том, что Бэнкс сразу же понял значение проекта Флиндерса и принялся за его осуществление с присущей ему энергией. Надо сказать, что Бэнксу не пришлось долго объяснять Адмиралтейству и правительству необходимость скорейшей организации экспедиции в Новую Голландию. Об этом свидетельствует отсутствие каких-либо письменных документов: ни записок Бэнкса в Адмиралтейство, ни протокольных записей рассмотрения предложения Флиндерса на заседании кабинета. Видимо, Бэнкс просто переговорил с графом Спенсером, первым лордом Адмиралтейства, и все было решено. Столь благоприятная позиция правительства объяснялась тем, что оно разрешило французскому мореплавателю Николасу Бодену на кораблях «Натуралист» и «Географ» отправиться в подобное плавание. Теперь же, узнав от Бэнкса всю важность экспедиции и неблагоприятные для Англии последствия успешного ее завершения французами, правительство стремилось исправить ошибку. Французские корабли, направлявшиеся к Маврикию, прошли Канарские острова. Но это известие было месячной давности. Надо было спешить. 10 декабря Адмиралтейство приказало «снабдить корабль продовольствием на шесть месяцев заграничного плавания как можно быстрее». 19 января 1801 г. судно было зарегистрировано в списке британского военно-морского флота под названием «Исследователь». В этот же день был подписан приказ о назначении Флиндерса командиром корабля.

Когда неделю спустя Флиндерс принял командование судном, его уже начали переоборудовать для предстоящего плавания. Флиндерс с помощью президента Королевского общества Бэнкса получил разрешение Адмиралтейства на полный контроль за ходом этих работ, а также за подбором экипажа, оснащением судна различным исследовательским оборудованием, покупкой и погрузкой продовольствия.

Флиндерс скрупулезно следил за снаряжением судна в далекий и трудный путь. Был взят запасной руль, оборудованы дополнительные баки для пресной воды. Для того чтобы освободить для них место, десять крупнокалиберных пушек были заменены на легкие орудия. Флиндерс распорядился погрузить на корабль большое

количество лимонного сока, уксуса, кислой капусты как противочинготных средств.

Одновременно Флиндерс с большой тщательностью отбирал команду корабля. Желавших принять участие в экспедиции было очень много. Однажды Флиндерс сказал, что хотел бы посмотреть одиннадцать человек, а пришло двести пятьдесят. О Флиндерсе шла слава не только как об опытном навигаторе, но как и о гуманном человеке, хотя и требовательном. К тому же нельзя не учитывать, что в это время шла война, поэтому куда спокойнее было отправиться в плавание к берегам Новой Голландии, чем принимать участие в морских сражениях в европейских водах. Так что у Флиндерса был большой выбор, и он не преминул этим воспользоваться.

Прекрасно был подобран научный состав экспедиции: ботаник Роберт Браун, картограф Уильям Уэстолл и художник Фердинанд Бауэр. Все они, как и Флиндерс, были люди молодые. Самым юным из них был Бауэр, которому исполнилось лишь девятнадцать лет. На должность второго лейтенанта Флиндерс пригласил своего брата Сэмюэла.

Во время подготовки экспедиции Дж. Бэнкс был для Флиндерса добрым гением. Он вовремя вступал в дело, устраняя возникавшие препятствия, оказывал нужную помощь и поддержку. Это ускоряло ход подготовительных работ. А времени было мало. Чтобы быть на месте в наиболее благоприятное для экспедиции время, «Исследователь» должен был прийти в Порт-Джексон в декабре 1802 г., т. е. через одиннадцать месяцев после назначения Флиндерса капитаном корабля. По крайней мере половину этого времени должно было занять плавание. На отбор экипажа и снаряжение судна у Флиндерса оставалось не более пяти месяцев. Время для Англии было трудное, французская угроза становилась все серьезнее. Доставать все необходимое для экспедиции было очень сложно.

15 марта Флиндерс сообщил Адмиралтейству, что корабль почти готов к плаванию и что он надеется отправиться в Новую Голландию через месяц.

День ухода в плавание приближался. Флиндерса мучил вопрос, как быть с Аннетт. Он чувствовал, что не может уйти в море без нее. Аннетт, которая также горячо любила Мэтью, настойчиво спрашивала в письмах, как он думает устроить их будущую жизнь.

6 апреля Флиндерс написал Аннетт письмо, в котором предлагал ей, если она готова соединить свою жизнь с моряком, имеющим «лишь запас белья и немного денег», плыть с ним в Порт-Джексон, где он поселит ее «под дружественной крышей», пока сам будет занят «самой опасной частью плавания». А затем они вернутся в Англию.

Аннетт с радостью согласилась. Влюбленные решили тайно обвенчаться. После этого Мэтью должен был тайно доставить Аннетт на борт «Исследователя».

Венчание состоялось в Линкольншире в пятницу 17 апреля, а в понедельник молодожены были в Лондоне. Теперь Флиндерс страстно желал как можно скорее уйти в море. Но этого нельзя было сделать до получения от французского правительства специального документа, своего рода охранной грамоты. Выдавалась она лишь кораблям, осуществлявшим плавания с мирными целями, чтобы обезопасить их в период войны.

Впервые такой документ был получен британским правительством при посредстве американского посла во Франции Б. Франклина от французского правительства для Дж. Кука, что позволило последнему беспрепятственно заниматься исследованиями в Тихом океане. 13 июня 1800 г. британское правительство выдало соответствующий документ Николасу Бодену.

20 марта 1801 г. Адмиралтейство обратилось в министерство иностранных дел Великобритании с просьбой получить у французского правительства охранный документ для Флиндерса. Министерство ответило, что оно сделает это не теряя времени. Однако запрос был послан через месяц, а документ получен лишь 23 июня 1801 г. За это время Флиндерс пережил много неприятностей, которые чуть было не привели к концу его морскую карьеру.

Через несколько недель после того, как Флиндерс поселил Аннетт на «Исследователе», на корабль неожиданно прибыла инспекция из Адмиралтейства. Инспекторы, как было потом записано в акте, «обнаружили в каюте капитана женщину без шляпки», что они расценили «как весьма откровенное свидетельство того, что это был ее дом».

Лорды Адмиралтейства категорически потребовали удалить Аннетт с корабля. Флиндерс был предупрежден, что, если в Адмиралтействе станет известно, что

Аннетт «оказалась в Новом Южном Уэльсе, его немедленно отстранят от командования кораблем».

«Это правда, что у меня было намерение взять миссис Флиндерс в Сидней,— писал Флиндерс в своем ответе Адмиралтейству,— и оставить ее там, пока я не добьюсь цели, поставленной перед экспедицией. Отправляясь домой, я предполагал снова взять ее на корабль. Адмиралтейство, вероятно, предположило, что я собирался держать ее на борту корабля во время экспедиции, но это не так». Флиндерс надеялся своим признанием смягчить лордов Адмиралтейства и добиться, чтобы Аннетт разрешили сопровождать его в плавании. Он просил Бэнкса помочь ему убедить лордов. Но все было тщетно. Аннетт должна была остаться в Англии. От пережитых волнений Аннетт расхворалась и оставалась в Лондоне до начала июля, затем она вернулась к родителям в Линкольншир. Флиндерс очень страдал. В письме к жене, написанном в самом конце июня, он горько сетовал: «Могу ли я, живя без тебя, быть счастливым? Конечно, нет». Дни тянулись тоскливо.

17 июля Флиндерс получил наконец пакет из Адмиралтейства. В нем находились инструкции относительно предстоящего плавания, разрешение французского правительства, списки материалов и инструментов, переданных Флиндерсу, а также указание губернатору Нового Южного Уэльса выделить в распоряжение руководителя экспедиции в качестве сопровождающего судна находившийся там корабль «Леди Нельсон». Этот бриг водоизмещением в 60 тонн имел небольшую осадку и мог быть использован при исследовании заливов и рек. Кстати сказать, бриг «Леди Нельсон», покинувший Англию в начале 1800 г., был первым судном, которое прошло в Новый Южный Уэльс через Бассов пролив.

Адмиралтейство опасалось, что Флиндерс может встретиться с экспедицией Николаса Бодена у австралийских берегов и начать бой. Поэтому в случае встречи с французскими кораблями Флиндерсу предписывалось действовать так, как «если бы между двумя странами не было состояния войны».

В связи с этим следует сказать несколько слов о французской экспедиции и о самом Николасе Бодене. Последний родился во Франции в 1750 г., большую часть своей морской службы провел, плавая на торговых судах. В 1786 г. он был зачислен лейтенантом во фран-

цузский военно-морской флот. Боден плавал в Вест-Индию, в Китай, Малаю и к мысу Доброй Надежды. Он имел репутацию опытного навигатора. Поэтому, когда в 1798 г. французские ученые предложили Наполеону, занимавшему в то время пост первого консула, послать экспедицию в Новую Голландию, ее командиром был назначен Боден.

Для экспедиции было выделено два тридцатипушечных корвета — «Географ» и «Натуралист». Первым командовал сам Боден, вторым — Эммануэль Гамелен. И хотя экспедиция готовилась очень тщательно, проходила она неудачно. Плавание к острову Маврикий продолжалось 145 дней. Дисциплина на кораблях была очень низкой. Дезертировало 50 человек, в том числе 10 — из научного персонала экспедиции. Сорок дней Боден простоял у Маврикия, а когда 25 апреля 1801 г. вышел в плавание, австралийская зима была в разгаре. Поскольку у южного побережья пятого континента бушевали бури, Боден, плывя на север, начал изучение западного берега Новой Голландии. 30 мая «Географ» бросил якорь в месте, где сейчас расположен город Басселтон. Здесь Боден потерял из виду «Натуралиста» и решил на одном корабле плыть на север, делая зарисовки побережья. От мыса Левек «Географ» повернул к Тимору, где встретился с «Натуралистом». От Тимора Боден направился к Земле Ван Димена, плывя вдоль западного побережья Новой Голландии на юг. У входа в Бассов пролив сильный шторм опять разъединил французские корабли. «Натуралист» пошел в Сидней, а «Географ» продолжил исследования берегов Бассова пролива. Был уже апрель 1802 г.

Флиндерс начал плавание 18 июля 1801 г. Перед самым уходом в море он особенно сильно страдал от разлуки с Аннетт. «Философская невозмутимость, которую я изображал перед тобой, — писал Мэтью Флиндерс Аннетт, — покинула меня, и я чувствую себя так же нелепо в разлуке с тобой, как одно лезвие ножниц, отделенное от другого». Другое письмо, посланное Аннет за несколько дней до отплытия, было бодрее: «Теперь уж скоро я уйду из Англии, и каждый прожитый день будет приближать время моего возвращения. Оставайся уверенной, моя дорогая, в пылкости и неизменности чувств твоего Мэтью Флиндерса, любящего тебя безмерно».

Команда не догадывалась о душевном состоянии Флиндерса, для нее он оставался неутомимым капитаном, поглощенным своим делом. В день отплытия сделанная им запись в судовом журнале предельно лаконична: «В 10 часов был дан сигнал и поднят якорь. Умеренный бриз при прекрасной погоде».

Флиндерс, подсчитав, что 48 тонн питьевой воды, имевшейся на борту, не хватит до мыса Доброй Надежды, решил сделать остановку у островов Мадейра, которые принадлежали Португалии. 6 июня 1801 г. Наполеон вынудил португальцев подписать в Бадахосе договор, запрещавший английским кораблям заходить в португальские порты, но когда в начале августа Флиндерс подошел к островам, то оказалось, что они оккупированы 85-м полком британской армии. В главном городе Мадейры Фуншале Флиндерс пополнил запасы продовольствия и пресной воды и 7 августа направился к мысу Доброй Надежды.

В шесть часов вечера 17 октября «Исследователь» бросил якорь у Кейптауна. Прошло ровно три месяца с начала плавания. Эти первые месяцы показали, что Флиндерс действительно был «нужным человеком на нужном месте». Следуя опыту Кука, он заботился не только о выборе наиболее целесообразного пути и поддержании строгой дисциплины среди команды, но и о здоровье членов экипажа. Флиндерс тщательно следил не только за питанием, но и за тем, чтобы люди в условиях утомительного, длительного и однообразного плавания не теряли бодрость духа. 3 сентября Флиндерс записал в своем дневнике: «Овсяную кашу на завтрак — четыре дня вместо трех, а рисовую, которая теперь заменит сыр, готовить на завтрак в остальные три дня недели. Вареный горох на обед — четыре дня, как обычно, в остальные три дня давать на каждого человека по пинте первого блюда, состоящего из двух унций супа, двух унций шотландского ячменя и такого количества лука, перца и т. п., какое может быть туда добавлено, и достаточное количество воды. Таким образом, люди ежедневно будут иметь горячий завтрак, а также горячий суп на обед, кроме обычной еды (солонина и пиво)».

В дневнике Флиндерса есть такая запись: «Барабан и флейта играют каждый вечер, как обычно, для тех кто танцует или устраивает какие-либо игры». «7 сен-

тября, — отмечал Флиндерс, — мы находились на 0°43' северной широты и ожидали, что пересечем экватор в это же время следующей ночью. Частью моего плана сохранения здоровья людей является поощрение активных развлечений, не мешающих выполнению их обязанностей на корабле, поэтому в этот вечер должна состояться старинная церемония, проводимая по этому случаю».

Результатом забот Флиндерса было то, что в течение трехмесячного плавания не заболел ни один человек из команды.

Во время плавания обнаружилось плохое состояние судна. Это очень беспокоило Флиндерса. 6 сентября 1801 г. в его дневнике появилась такая запись: «Корабль дает все большую течь... к концу недели уровень воды в трюме поднимался до пяти дюймов в течение часа... У меня с самого начала сложилось мнение о непрочности судна, теперь оно полностью подтвердилось. Почему же не сделали соответствующего представления и не был выделен более прочный корабль? Дело в том, что потребность военно-морского флота в подобных судах в то время была весьма неотложной, и мне дали понять, что лучшего судна предоставлено быть не может. А страстное желание завершить исследование берегов Terra Australis не позволило мне отказаться от предложенного корабля».

У мыса Доброй Надежды «Исследователь» простоял 18 дней. За это время было заново проконопачено днище судна. В ремонте корабля Флиндерсу большую помощь оказал глава британского поселения в Кейптауне Роджер Куртис.

4 ноября 1801 г. «Исследователь» покинул мыс Доброй Надежды, взяв курс к берегам Новой Голландии. Предстояло пройти, без остановок 5 тыс. миль. Благоприятные ветры способствовали плаванию. Делая в среднем более пяти узлов в час, «Исследователь» достиг западного берега Новой Голландии в районе мыса Луин 6 декабря, т. е. через 32 дня. До этого лишь три европейских мореплавателя побывали в этом месте. Первым достиг мыса в начале XVII в. голландец Питер Нейтс, затем, за десять лет до Флиндерса, здесь побывал английский мореплаватель Джордж Ванкувер, а в 1792 г. — французский адмирал Антуан д'Антраксто. Однако картографическая работа, проделанная ими,

была далека от совершенства. Что же касается побережья к востоку от мыса Луин, то оно вообще не было исследовано.

Флиндерс спешил начать изучение южного побережья Новой Голландии. Поэтому, не задерживаясь у мыса Луин, он пошел к бухте Кинг-Джордж, которую до него посетил Ванкувер. 13 декабря «Исследователь» бросил якорь в бухте. Флиндерс распорядился разбить на берегу лагерь и начать исследовательские работы.

Вскоре англичане заметили, что берега бухты обитаемы. «Увидев дым... мистер Браун и другие джентльмены,— писал впоследствии Флиндерс,— направились туда и встретили нескольких туземцев, которые при виде их насторожились, но не испугались. Одному из туземцев... они подарили убитую ранее птицу и носовой платок; но, как свойственно людям этой страны, не выказывающим желания вступить в общение с чужестранцами, туземцы сразу же дали знаками понять, чтобы наши джентльмены возвратились туда, откуда пришли». Однако с течением времени между англичанами и аборигенами установились дружественные отношения.

Изучение местности, пополнение запасов пресной воды, а также починка оснастки корабля были закончены к концу декабря. Можно было сниматься с якоря.

«Наши друзья туземцы,— писал Флиндерс,— продолжали посещать нас. Когда старик с несколькими другими туземцами были у наших палаток, я приказал группе моряков, находившейся на берегу, произвести упражнения в их присутствии. Красные мундиры и белые пояса были встречены с огромным восхищением, ибо несколько напоминали их собственный обычай украшать себя; барабан и особенно флейта удивили их. Но когда они увидели этих красно-белых людей со сверкавшими мушкетами, выстроившихся в ряд, они пришли в полный восторг. С величайшим вниманием туземцы следили за ружейными приемами моряков, непроизвольно повторяя их движения. Один старик стал в конце строя моряков с короткой палкой, которую он клал на плечо, брал на караул, ставил к ноге, не понимая, я уверен, смысла того, что делал. До того как произвести оружейный салют, индейцам объяснили, что должно произойти, поэтому залп не вызвал большого ужаса».

Флиндерс намеревался выйти в море 3 января 1802 г., но неблагоприятный ветер задержал его в бухте еще на

два дня. 5 января при умеренном ветре и прекрасной погоде «Исследователь» покинул бухту Кинг-Джордж, чтобы продолжить дальнейшее изучение южного побережья Новой Голландии.

Поражает, с какой тщательностью изо дня в день Флиндерс сам, никому не перепоручая, исследовал побережье. Он старался вести корабль как можно ближе к берегу. Когда же туман, течения и ветры заставляли Флиндерса отходить от берегов на безопасное расстояние, он поднимался на топ-мачту и продолжал свои наблюдения. Наброски, сделанные за день, Флиндерс каждый вечер наносил на черновую карту. Впоследствии он писал: «Мое решение видеть и зарисовать каждую деталь собственноручно требовало постоянного внимания и большого труда, но благодаря этому я достигал той степени точности, которую желал».

Флиндерс благополучно прошел архипелаг Решерш, но у островов Ньютс его ждала неприятность. Корабль опять стал давать сильную течь. 1 февраля уровень воды в трюме поднимался за час на три дюйма, а на следующий день — на шесть дюймов. К счастью, течь удалось приостановить.

Флиндерс был строгим и взыскательным командиром, не делавшим поблажек никому, в том числе и родному брату. Он заметил, что Сэмюэл относится к службе без должного рвения. «Второй лейтенант, — записал Флиндерс в судовом журнале, — не оказал мне той помощи в астрономических и картографических исследованиях, которую я от него ожидал, и ему было приказано самому производить наблюдения по ночам». В результате, как отмечал Флиндерс, «гордость заставила его работать и днем с той старательностью, с которой он помогал мне раньше».

В воскресенье 21 февраля случилось несчастье. Владелец «Исследователя» Джон Тистл, участвовавший в плавании, был послан с несколькими матросами на берег за пресной водой. В семь часов вечера с корабля заметили возвращавшуюся лодку с Тистлом и его спутниками. Но внезапно она исчезла. Немедленно была спущена другая лодка, поисковую группу возглавил лейтенант Фоулер. В половине десятого вторая лодка возвратилась. Фоулер сказал, что никаких следов лодки Тистла найти не удалось, да и его лодка едва не была перевернута сильным приливом.

Спустившаяся темнота не позволила Флиндерсу продолжать поиски. С рассветом они возобновились. Три дня искали исчезнувшую лодку. Все, что было обнаружено,— это отпечатки ног на берегу, парус и рея, плавающие недалеко от берега. В среду стало ясно, что никого из погибших найти не удастся, и Флиндерс вынужден был прекратить поисковые работы. Экспедиция понесла весьма ощутимую потерю: погибло восемь человек. Особенно тяжела для Флиндерса была смерть Джона Тистла, который являлся, как он писал, «действительно ценным человеком как моряк, офицер и добрый друг. Я знал его с 1794 г., и с того времени мы были почти всегда вместе». Место гибели Тистла и его спутников Флиндерс назвал мысом Катастроф. Он продолжал изучение этого района. 24 февраля члены экипажа, обследовавшие побережье, сообщили Флиндерсу, что к востоку от мыса видели залив. На следующий же день Флиндерс приказал плыть туда. Обогнув мыс Катастроф, «Исследователь» вошел в чудесную гавань, самую красивую на всем южном побережье. До 4 марта Флиндерс подробно изучал обнаруженный залив, который он назвал Порт-Линкольн. Двигаясь к северу от Порт-Линкольна, Флиндерс открыл широкий залив, названный им в честь первого лорда Адмиралтейства заливом Спенсера. Две недели исследовал Флиндерс его берега. Выйдя из залива с восточной стороны, Флиндерс обнаружил большой остров. Высадившись на нем, англичане увидели огромные стада кенгуру. Два дня они охотились, заготавливая мясо на дальнейший путь. Флиндерс назвал открытую им землю островом Кенгуру. Затем Флиндерс вернулся назад, к восточному берегу залива Спенсер, и, обогнув мыс Спенсер, через пролив, названный им проливом Инвестигейтор в честь своего судна («Исследователь» по-английски «Инвестигейтор»), вошел в новый залив, который был назван заливом Сент-Винсент. Шесть дней Флиндерс изучал его берега, а затем через пролив Бакстерс вышел в открытое море и направился дальше на восток.

Вечером 8 апреля вахтенный на «Исследователе» сообщил, что видит впереди белый пирамидальный риф. Очень скоро было установлено, что это французское судно «Географ» под командой Бодена. Флиндерс несколько раз посещал «Географ». Капитаны познакомили друг друга с результатами своих исследований южно-

го побережья Новой Голландии. Флиндерс рассказал о плавании к востоку от мыса Луин, в частности о заливе Спенсер, заливе Сент-Винсент и острове Кенгуру, а Боден — о Бассовом проливе. Французского капитана весьма заинтересовало предположение Флиндерса о существовании пролива, разделяющего Новую Голландию на две части.

9 апреля в половине десятого утра корабли разошлись. «Географ» пошел на северо-запад, а «Исследователь» — на юго-восток. У Флиндерса сложилось впечатление, что его встреча с французами, хотя и не была ему особенно полезна, прошла в дружественной и сердечной атмосфере. Но оказалось, что она имела для Флиндерса трагические последствия.

Николас Боден умер в 1803 г., а в 1807 г., когда Флиндерс находился в плену у французов на острове Маврикий, Франсуа Перон, ученый-натуралист, участвовавший в экспедиции Бодена, выпустил в свет первый том трехтомного издания «Путешествие, предпринятое для открытий Terra Australis». В этой книге Перон признавал приоритет открытий Питера Нейтса, Джорджа Ванкувера и Антуана д'Антркасто, сделанных к востоку от мыса Луин до архипелага Нейтса ($133^{\circ} 30'$ восточной долготы), а также открытия Джорджа Басса в районах до Вестерн-Порт ($145^{\circ} 02'$ восточной долготы). Что касается остальной части побережья между архипелагом Нейтса и Вестерн-Портом, то Перон объявил, что она принадлежит Франции и называется Землей Наполеона. Все географические названия, которые Флиндерс дал открытым им островам и заливам, Перон изменил. Так, залив Спенсер стал заливом Бонапарт, залив Сент-Винсент — заливом Жозефины, остров Кенгуру — островом Декре (в честь французского морского министра). О плавании Флиндерса в книге вообще не упоминалось.

Флиндерс узнал об этой «агрессии», как он назвал действия Перона, еще томясь в плену на Маврикии. Сознание своей беспомощности, невозможность защитить себя усугубляли его ярость. Ответить непосредственно Перону Флиндерс так и не смог. Он вернулся из плена в 1810 г., а Перон умер за три года до этого.

Расставшись с Боденом, Флиндерс продолжал плавание на восток. Неблагоприятные ветры помешали ему сделать очень важное открытие. Флиндерс не заметил

устья крупнейшей реки пятого континента — Муррея. Если бы он обнаружил ее, весьма возможно, что экономическое развитие британских колоний в Австралии в первой половине XIX в. пошло значительно быстрее. Но эта река была открыта почти тридцать лет спустя.

В 1826—1828 гг. Новый Южный Уэльс поразила сильнейшая засуха. Из-за отсутствия кормов начался падеж скота, урожай погибал. Колонисты метались в поисках новых пастбищ и воды.

Губернатором Нового Южного Уэльса был тогда Дарлинг. Формалист и педант, он в этой критической ситуации вынужден был действовать энергично. Он отправил своего приятеля капитана Чарлза Стерта на поиски новых рек, а может быть, и крупных внутренних морей. По распространенному тогда мнению, в глубине Австралийского материка должны были существовать такие моря.

Экспедиция Стерта началась в ноябре 1828 г. и продолжалась до апреля 1829 г. Исследуя реку Маккуори, Стерт, к неудовольствию своему, обнаружил, что она оканчивается большим болотом, заросшим тростником и камышом. Но в январе 1829 г. к западу от реки Маккуори он нашел ручей, текущий на север. Двигаясь по нему, Стерт увидел широкую, полноводную реку, названную им Дарлинг в честь губернатора. Вода в реке оказалась соленой. Берега ее были совершенно голыми, растительность встречалась только в болотистых местах, да и там она была весьма чахлой.

«Огромные деревья умирали. Эму, вытянув шею, жадно глотали воздух, страдая от жажды. Туземные собаки были так худы, что едва могли двигаться. Сами туземцы умирали от истощения. Они приносили своих детей к белым людям, прося дать какой-нибудь еды».

Результаты экспедиции не могли, конечно, удовлетворить губернатора колонии. В сентябре 1829 г. Стерт во главе небольшого отряда предпринял новую экспедицию. 25 сентября он достиг реки Маррамбиджи. Встретившиеся ему аборигены утверждали, что Маррамбилжи — приток другой большей реки. Обнаружив небольшую речку, впадавшую в Маррамбиджи, Стерт взял с собой шесть человек (остальным он приказал вернуться вверх по Маррамбиджи и ждать его возвращения) и начал ее исследование. Передвигались с большими трудностями, поскольку река была очень мелкая. 14 ян-

варя 1830 г. путешественники достигли ее устья и вошли в неизвестную большую реку. Так была открыта одна из крупнейших рек Австралии, которую Стерт назвал Муррей в честь британского министра колоний Джорджа Муррея.

Не успели Стерт и его товарищи порадоваться своему открытию, как случилось событие, едва не стоившее им жизни. Неожиданно лодка села на мель, и вскоре путешественники были окружены толпой аборигенов, настроенных весьма воинственно. Столкновение казалось неизбежным, и англичане приготовились к бою. Но вдруг на берегу появился абориген гигантского роста, который бросился в реку и поплыл к отмели. Расшвыряв туземцев, он подошел к англичанам и приветствовал их как друзей. На протяжении дальнейшего пути англичане встречали со стороны аборигенов только дружеское отношение и стремление помочь им.

Пройдя на лодке около 1000 миль в течение 33 дней, Стерт и его спутники обнаружили озеро, названное ими Александрина по имени британской принцессы. Из озера они нашли выход в открытое море. Эта была большая победа. Возвращение в Сидней было долгим и трудным. Лишь 25 мая 1830 г., через полгода после начала путешествия, Стерт и его товарищи вернулись в Сидней.

Важными результатами экспедиции Стерта было исследование системы рек в Южной Австралии, доказавшее, что водным путем можно добраться до южной границы материка, а также открытие больших пространств плодородных земель, чрезвычайно удобных для колонизации. «Мои глаза,— сообщал Стерт,— никогда не видели страны, которая занимала бы более выгодную позицию... Мы получили пять миллионов акров прекрасной земли». Его сообщение повлекло за собой колонизацию Южной Австралии.

21 апреля Флиндерс достиг мыса Отуэй, но высокая волна не позволила ему пристать к берегу. Флиндерс повернул к острову Кинг и исследовал его северные берега. Затем он возвратился к мысу Отуэй и продолжал изучение побережья континента. Флиндерс заходил в залив Порт-Филлип, прошел мимо того места, где сейчас расположен Мельбурн, но не заметил реки Ярры, впадающей там в залив. Флиндерс, естественно, не мог знать, что за десять недель до него этот залив был открыт лейтенантом Джоном Мурреем, который

стал капитаном корабля «Леди Нельсон» вместо Гранта.

Покинув залив Порт-Филлип, Флиндерс взял курс на Сидней, куда прибыл 9 мая. «Исследователь» преодолел 20 тыс. миль, из которых 6 тыс. миль он прошел вдоль побережья Новой Голландии от мыса Луин до Порт-Джексона. Жители Сиднея были поражены здоровым и жизнерадостным видом всей команды корабля. На его борту не было ни одного больного. «Когда „Исследователь“ входил в сиднейскую гавань,— писал впоследствии Флиндерс,— на борту не было ни одного человека, который не работал бы на палубе... и можно утверждать, что офицеры и матросы, вообще-то говоря, чувствовали себя лучше, чем в день отплытия из Спитхеда, и были не менее бодры духом... Как только был брошен якорь, я сошел на берег и посетил его превосходительство Филиппа Гудли Кинга, губернатора Нового Южного Уэльса, и старшего морского офицера, которым доложил в общих чертах об открытиях и изучении южного побережья, а также вручил губернатору распоряжения Адмиралтейства и государственного секретаря. Эти распоряжения предписывали ему передать бриг „Леди Нельсон“ под мое командование и не использовать „Исследователь“ для других целей, кроме исследовательских. Его превосходительство заверил меня, что будет всячески способствовать выполнению заданий, столь интересующих правительство и его самого. „Леди Нельсон“ находилась тогда в сиднейской гавани, но ее командиру лейтенанту Гранту было разрешено вернуться в Англию, и он уплыл туда шесть месяцев назад».

В сиднейском порту Флиндерс увидел «Натуралиста». Капитану корабля Гамелену он сообщил, что Боден намеревается прийти в Новый Южный Уэльс, как только позволит погода. Однако Гамелен не стал дожидаться Бодена, и 18 мая «Натуралист» вышел в море, держа курс на остров Маврикий. Сильные штормы у южных берегов Земли Ван Димена заставили Гамелена вернуться обратно. 3 июля «Натуралист» вошел в сиднейскую гавань, где на якоре стоял «Географ», прибывший двумя неделями раньше.

Путь «Географа» в Сидней был поистине драматичен. 20 июня Кингу сообщили, что у входа в бухту виден корабль, подающий сигналы бедствия. Губернатор распорядился направить к нему шлюпку с «Исследователя».

Шлюпка подошла к кораблю, оказавшемуся «Географом», и англичане узнали, что его команда настолько ослаблена цингой, что не в силах привести корабль в порт. Боден рассказал, как писал впоследствии Флиндерс, что лишь 12 человек из 170 были способны работать.

Кинг распорядился поместить больных в госпиталь. Между англичанами и французами установились самые дружественные отношения.

Французы остались очень довольны приемом в Сиднее, и позднее Кинг получил в подарок от французского правительства обеденный сервиз из северского фарфора. Боден, покидая Сидней, оставил Кингу двенадцать экземпляров письма к губернаторам Маврикия и Реюньона, в котором говорилось о гуманном обращении с французскими моряками в Сиднее и содержалась просьба встретить английских моряков таким же образом. В письмах не были проставлены названия судов и фамилии капитанов, и, таким образом, Кинг мог выдавать их любым британским судам по своему усмотрению.

Несмотря на то что Боден, казалось бы, рассеял все подозрения англичан и убедил их, что цель его экспедиции — чисто научные изыскания, буквально через несколько часов после ухода французских кораблей 17 ноября 1802 г. в Сиднее стали распространяться слухи об агрессивных намерениях французов.

Заместитель губернатора колонии и командир полка Нового Южного Уэльса подполковник Петерсон сообщил Кингу, что французские офицеры якобы говорили о намерении заняться поисками мест для французских поселений на Земле Ван Димена.

Встревоженный этим сообщением, Кинг немедленно направил к Земле Ван Димена шхуну «Камберленд» под командованием лейтенанта Роббинса, который должен был передать Бодену письмо. В нем сообщалось, что Англия еще в 1788 г. распространила свои права на весь район Бассова пролива, включая остров Кинг. Любая попытка оккупации этой территории, указывалось в письме, будет рассматриваться как враждебный акт. Роббинс должен был также зайти в Порт-Филлип.

«Камберленд» вышел в море 26 ноября, а 8 декабря настиг французские суда у острова Кинг. Роббинс передал письмо губернатора Бодену. Последний был нема-

ло поражен, прочитав его. Потом он написал два ответных письма Кингу, одно официальное, а другое частное, в которых отрицал намерения оккупировать какие-либо части территории Новой Голландии.

Но мирные заверения Бодена не убедили лейтенанта Роббинса. Спустя несколько дней после прибытия на остров он поднял британский флаг на флагштоке, врытом недалеко от палаток французов. Вся команда шхуны, состоявшая из 17 человек, присутствовала при этом. Был произведен троекратный салют из мушкетов. Затем Роббинс объявил об официальном установлении власти британской короны на острове.

170 французских моряков с борта «Географа» с насмешкой смотрели на действия ретивого лейтенанта, но никакой враждебности не выказывали, находя всю эту ситуацию весьма забавной. В частном письме Кингу Боден писал: «Эта детская церемония была смехотворной, ее нелепость усугублялась тем, что установленный флаг уныло свисал с наклонно воткнутого древка... Сначала я подумал, что флаг, возможно, использовался для процеживания воды, а затем был повешен для просушки; но позднее мне сообщили о смысле церемонии, состоявшейся в то утро».

27 декабря французские моряки покинули остров Кинг, а «Камберленд» продолжал исследование берегов острова и Земли Ван Димена до 17 января 1803 г., после чего направился в Порт-Филлип. Роббинс оставил в районе реки Деруэнт, там, где сейчас находится столица Тасмании город Хобарт, двух солдат для подтверждения британской собственности на Землю Ван Димена. Проведя изучение Порт-Филлипа, Роббинс 27 февраля направился в обратный путь.

Как уже говорилось выше, за год до описываемых событий Порт-Филлип посетил У. Муррей, который дал весьма положительную характеристику этого района в качестве дополнительной ссыльной колонии. Основываясь на докладе Муррея, лорд Хобарт, занимавший тогда пост министра колоний, приказал подполковнику Д. Коллинзу возглавить экспедицию для организации новой колонии. В октябре 1803 г. 330 заключенных на двух судах были доставлены в Порт-Филлип. Но место Коллинзу не понравилось. Поскольку в инструкциях, данных ему британским правительством, говорилось, что он имеет право выбрать другую территорию для

колонии при условии, что поиски нового, более удобного места не будут затянуты, в феврале 1804 г. Коллинз перевез всех колонистов на Землю Ван Димена и высадил их там, где сейчас расположен город Хобарт. Здесь он встретил девятнадцатилетнего лейтенанта Дж. Боуена, который по приказу губернатора Кинга с небольшой партией свободных колонистов и заключенных в сентябре 1803 г. основал в этом месте британское поселение. Руководство объединенной колонией принял на себя Коллинз.

В первые годы существования колонии на Земле Ван Димена переселенцы столкнулись с такими трудностями, каких не знали колонисты Нового Южного Уэльса. Английское правительство считало, что снабжение новой колонии должно осуществляться из Сиднея, губернатор же Нового Южного Уэльса полагал, что это дело британского правительства, а ему достаточно хлопот со своей колонией. Связь между Сиднеем и Хобартом поддерживалась лишь небольшими судами, принадлежащими колонии Новый Южный Уэльс, и была эпизодической. Если бы не мясо эму и кенгуру, имевшихся в большом количестве на острове, население Хобарта скоро бы вымерло.

Британское правительство проводило политику, направленную на быстрое заселение Земли Ван Димена заключенными и свободными колонистами, не заботясь о развитии соответствующей материальной базы. Уже в ноябре 1804 г. на северном берегу Земли Ван Димена, недалеко от места, где сейчас расположен город Лонгстон, возникла вторая колония, которую возглавил полковник Петерсон. До 1813 г. эти колонии, считавшиеся независимыми друг от друга, подчинялись властям Нового Южного Уэльса. Отношения между Петерсоном и Коллинзом обострились до такой степени, что губернатор Кинг вынужден был административно разделить остров на две части — северную, названную Землей Корнвоал, и южную, названную Букингхемшир.

Покинув остров Кинг, Боден пошел на запад и 2 февраля 1803 г. достиг острова Кенгуру. Отсюда он послал небольшой бот «Казуарина» для исследования заливов Спенсер и Сент-Винсент.

Флиндерс потратил на изучение этих заливов 42 дня, нетерпеливый Боден дал своим людям только 23 дня. Когда они не вернулись к строго намеченному сроку,

он не стал их дожидаться и пошел дальше на запад. «Казуарина», преодолевая большие трудности, догнала «Географ» лишь в заливе Кинг-Джордж.

В июне Боден достиг северных берегов Новой Голландии и, проведя их беглое исследование, направился к Маврикию. На Маврикий Боден прибыл 7 августа тяжело больным и умер там 15 сентября 1803 г.

Пока Боден совершал столь драматически закончившееся плавание, Флиндерс, полный энергии и сил, готовился к продолжению своих исследований побережья Новой Голландии.

После совещания с Флиндерсом Кинг решил послать «Исследователь» на север для детального изучения восточного побережья от залива Херви до южного конца Большого Барьерного рифа. Флиндерс должен был особенно внимательно исследовать те районы побережья, которые не были изучены Куком.

«Плавание капитана Кука, беря размеры сделанных открытий и точность, с которой они нанесены на карту, или работу его ученых помощников, далеко превосходит все ранее совершенное,— писал Флиндерс.— Но общий план плавания не позволил капитану Куку входить всякий раз в мельчайшие детали, да и сами размеры его открытий мешали это сделать. Таким образом, некоторые части восточного побережья Тегга Australis были пройдены ночью, многие заливы были обнаружены и оставлены неизученными, а острова и рифы, лежащие у берегов, были лишь зафиксированы: он собрал урожай открытий, но оставленные на поле колосья еще предстояло убрать».

Флиндерсу предстояло исследовать Торресов пролив, который в то время был изучен очень плохо, и залив Карпентария. Предполагалось, что все плавание займет от десяти до двенадцати месяцев.

Как уже отмечалось выше, экономическое положение Нового Южного Уэльса было очень тяжелым. Флиндерс потратил много усилий, чтобы добыть необходимые для экспедиции продовольствие и снаряжение.

Три месяца простоял «Исследователь» в сиднейском порту. Очень огорчало и тревожило Флиндерса отсутствие писем от Аннетт. Он был уверен, что в Сиднее его будут ждать ее письма, но они пришли лишь в начале июля. Одно из писем было датировано октябрём 1801 г., другое — 7 января 1802 г. В последнем Аннетт сообща-

ла о своей болезни и о том, что она перенесла операцию глаз. Письмо было отправлено семь месяцев назад. Что с Аннетт сейчас? На душе у Флиндерса стало еще тяжелее. Сильно задел его вопрос жены, любит ли он ее. «Ты так быстро оставил меня одну после свадьбы, что я стала сомневаться, любишь ли ты меня»,— писала Аннетт.

«Мой дорогой друг, ты расцениваешь мой уход в плавание, которое я предпринял, подчиняясь зову профессии, как доказательство слабого чувства к тебе. Но разве ты не знаешь, любимая, что нам почти не на что существовать в Англии. Что мы оба должны отказывать себе в самом необходимом... Небеса знают, как искренне и сильно я люблю тебя, с каким нетерпением жду нашей встречи и как упорно работаю, чтобы счастье встречи не омрачилось страхом долгой разлуки... Не позволяй печали усиливать твой недуг, моя дорогая, смотри на жизнь с лучшей стороны»,— ответил Флиндерс Аннетт 20 июля 1802 г.

Конечно, Флиндерс страдал от разлуки с любимой, но у него было дело, в котором он видел смысл своей жизни, без которого не мог существовать. Это давало ему силы, вливало энергию, приглушало душевную боль. Аннетт же была целиком погружена в свою печаль. Ей оставалось лишь ждать, и так долго ждать, как она не могла вообразить даже в самые мрачные минуты.

22 июля 1802 г. шлюп «Исследователь», сопровождаемый бригом «Леди Нельсон», покинул Сидней, направляясь к заливу Херви. 27 июля Флиндерс был уже в заливе, исследовал его в течение трех дней, а 1 августа поплыл дальше на север. В августе — сентябре он обнаружил мыс Кертис, мыс Боуэн (теперь мыс Клинтон), острова Перси и исследовал их.

В начале октября Флиндерс направился к Торресову проливу. Выход через Большой Барьерный риф в открытый океан представлял немалую сложность. Надо было пройти лабиринт мелких островков и рифов. Всюду подстерегала опасность сесть на мель или разбиться о скалы. Поэтому Флиндерс решил, что «Исследователь» и «Леди Нельсон» должны плыть самостоятельно. В инструкции лейтенанту Д. Муррею он назначил место встречи судов в Торресовом проливе. Если же к концу установленного срока, т. е. через два месяца, «Исследователь» не появится, Муррей должен приступить к изу-

чению северного побережья и затем вернуться в Порт-Джексон.

5—11 октября были для Флиндерса днями суровых испытаний. Карты, составленные Куком, подтвердили, что «Исследователь» все еще находится внутри Большого Барьерного рифа. Стремясь поскорее вырваться на простор океана, Флиндерс решил идти, что называется, напролом, искать путь среди нависших скал. Но он скоро пожалел об этом. Записи в его дневнике ярко иллюстрируют положение, в котором находился «Исследователь». «Этим утром (7 октября.— К. М.) очень часто попадались мели; отражение белых облаков и рябь скрывали рифы. Но с помощью нашего вельбота я вскоре выяснил ситуацию... впереди все еще оставалась огромная масса рифов, в которых, очевидно, был лишь один маленький проход». На следующий день появилась такая запись: «Сегодня в полдень перспектива еще хуже, чем когда-либо. За исключением западной стороны, откуда мы идем, нас всюду окружают рифы... Просветы на востоке, различаемые за этими рифами, указывают на открытое море, и, конечно, это единственное, что внушает нам надежду в нашем теперешнем положении». 9 октября не было обнаружено ни одного прохода.

10 октября Флиндерс принял решение идти назад к островам Перси и уже оттуда плыть прямо на север вдоль побережья континента с внутренней стороны Большого Барьерного рифа. Это было опасно, но не безнадежно, ибо, как справедливо полагал Флиндерс, рано или поздно рифовый барьер должен был кончиться.

Через четыре дня «Исследователь» подошел к островам Камберленд. 17 октября Флиндерс приказал Д. Муррею вернуться в Сидней. У брига «Леди Нельсон» сломался киль, и он был лишен возможности продолжать опасное плавание. На следующий день «Исследователь» отправился дальше на север. 20 октября Флиндерс наконец увидел открытый океан. «По-прежнему держали курс на северо-восток, и в четыре часа не было видно ни одного рифа»,— с облегчением записал он в дневнике. Место, где «Исследователь» вышел в океан, сейчас называется проходом Флиндерса.

Позднее Флиндерс писал: «Капитан, который собирается провести эксперимент, не должен спешить повернуть корабль, как только увидит просветы вдали. Если его нервы недостаточно крепки, чтобы продеть нитку

в иголку, иначе говоря, провести корабль между рифов, управляя им с верхушки мачты, то я бы настоятельно рекомендовал ему держаться подальше от этой части Нового Южного Уэльса».

29 октября «Исследователь» бросил якорь у крупнейшего из островов группы Муррей, расположенного у восточного входа в Торресов пролив. Именно здесь в 1792 г. аборигены напали на корабль «Провидение», которым командовал У. Блай. Флиндерс был в составе экипажа судна. «Едва мы бросили якорь,— писал Флиндерс в книге „Путешествие к Тегга Australis“, — как сорок или пятьдесят туземцев подошли к нам на своих каноэ. Они остановились не прямо у борта, а на небольшом расстоянии от корабля, показывая кокосовые орехи, бамбуковые трубки, наполненные водой, бананы, луки и стрелы и крича: „Тури! Тури! Маммуси!“ Вскоре начался обмен: туземцам показывался топорик или какой-либо другой предмет, сделанный из железа, а они предлагали связки зеленых бананов, лук и колчан со стрелами или то, что они считали справедливым дать в обмен. После того как с обеих сторон давались знаки согласия, индеец взбирался на борт судна со своим товаром и передавал его человеку, выходявшему ему навстречу, а получив топорик, плыл обратно к своему каноэ. Некоторые туземцы передавали свои товары без каких-либо попыток обмануть, но так было не всегда... К заходу солнца два каноэ возвратились на остров, идя на веслах в наветренную сторону с большей скоростью, чем это могла бы сделать какая-либо из наших шлюпок. Третья лодка... направилась к северо-западу, насколько я могу судить, в сторону острова Дарнлей, открытого Блаем. Я не забыл, что жители этих островов напали на „Провидение“ и „Помощника“ в 1792 г. Поэтому матросы все время были под ружьем, орудия приготовлены к стрельбе, фитили зажжены; офицеры наблюдали за каждым движением на каноэ, пока они находились у корабля. Луки и стрелы были на всех каноэ, но индейцы не выказывали враждебных намерений. Однако можно было предполагать, что те, кто поплыл к острову Дарнлей, направилась туда за помощью... С рассветом туземцы вернулись на семи каноэ, некоторые из которых подошли к самой корме; пятнадцать или двадцать человек поднялись на борт, неся в руках перламутровые раковины, луки и стрелы, за которые они наме-

ревались получить больше драгоценного тури (железа)... Цвет кожи этих туземцев был темно-шоколадный; они были энергичными, физически сильными людьми, почти среднего роста, выражение их лиц свидетельствовало о сообразительности. Черты лица и волосы были такими же, как у туземцев Нового Южного Уэльса, и они тоже были совершенно голы».

30 октября «Исследователь» покинул острова Муррей, а 1 ноября вошел в Торресов пролив. Флиндерс был в этих местах десять лет назад. Тогда восемнадцатилетний юноша мечтал пройти через пролив на своем корабле, он видел себя героем, подобным Куку. Теперь Флиндерс, утративший наивную романтичность, думал прежде всего о практических результатах предпринятого им путешествия. «Плавание из Тихого, или Великого, океана к Индии или мысу Доброй Надежды стало бы намного удобней, если бы был открыт относительно безопасный проход через пролив; были бы сэкономлены пять или шесть недель в сравнении с обычным путем. Несмотря на то что были сделаны большие открытия в этом проливе, все еще остается надежда, что тщательное изучение его в целом привело бы к обнаружению этого прохода. Поэтому исследование такого рода весьма желательно. Оно не только принесло бы пользу морякам и купцам, торгующим в этих районах, но и способствовало бы общему развитию мореплавания и географии».

Первым из европейцев прошел через пролив в 1606 г. испанец Луис де Торрес. Однако Испания тщательно скрывала открытия, сделанные ее мореплавателями. Остальные европейские страны ничего не знали о Торресовом проливе. Новая Гвинея и Австралия обозначались на картах как единый материк. Поэтому, когда Джеймс Кук в 1770 г. проплыл через пролив, произошло как бы второе его открытие. Через 19 лет пролив увидел Уильям Блай. Следующим был Эдвард Эдвардс, посланный британским правительством на розыски мятежных матросов с «Баунти». Его корабль «Пандора» в 1791 г. разбился в проливе у одного из островов. Эдвардс разместил команду на четырех корабельных шлюпках, которые он привел к Тимору. В 1792 г. через пролив прошли «Провидение» и «Помощник», возвращавшиеся в Англию из плавания за хлебным деревом. В том же году провели свои суда через пролив, идя в обратном направлении — с запада на восток, Уильям Бэмптон и

Мэтью Элт. Таким образом, Флиндерс был девятым капитаном, вошедшим в Торресов пролив.

3 ноября Флиндерс начал исследование залива Карпентария, который, как и Торресов пролив, был изучен очень слабо. Впервые европейцы появились здесь в 1606 г. Голландская яхта «Дейфкен», исследовавшая берега Новой Гвинеи, приблизилась к Торресову проливу и, повернув на юг, прошла вдоль восточного побережья залива до мыса Кируир ($13^{\circ}57'$ ю. ш.), а затем направилась обратно к Молуккским островам. В 1623 г. другое голландское судно, «Пера», прошло вдоль восточного побережья залива южнее — до реки Статен ($16^{\circ}25'$ ю. ш.). В 1644 г. в заливе Карпентария побывал Абель Тасман. С тех пор в течение 158 лет ни одно европейское судно не посещало залив. Флиндерс имел в своем распоряжении лишь старые голландские карты, на которых залив обозначался до $16^{\circ}25'$ ю. ш. Что было к югу от реки Статен, оставалось совершенно неизвестным.

Идя только в дневное время и сделав лишь две высадки на берег, Флиндерс в течение десяти дней исследовал восточное побережье в районе между островом Буди и входом в залив. Восемь дней стояла ясная погода при умеренном ветре. В последние два дня, 12 и 13 ноября, ветер оставался умеренным, но небо заволочли облака. Однако не ощущалось никаких признаков муссона, о котором Флиндерса предупреждали еще в Англии.

В соответствии с инструкциями, полученными от Адмиралтейства, Флиндерс изучал побережье залива прежде всего с целью обнаружения пролива, разделяющего Новую Голландию на две части. Поэтому он искал там устья рек или бухты. Но найти их Флиндерсу не удавалось. Между тем на восточном побережье залива Карпентария немало рек, впадающих в него. Одна из них впоследствии была названа именем Флиндерса. Исследователь сделал правильный вывод, используя неправильные доказательства: в районе залива Карпентария Новая Голландия не может делиться на две части, поскольку не обнаружено никаких рек и бухт.

Состояние корабля беспокоило Флиндерса еще до входа в Торресов пролив: судно давало опасную течь. Поэтому, выбрав удобное место у острова Свир, Флиндерс 24 ноября распорядился приступить к обследова-

нию состояния и ремонту «Исследователя». Новый владелец корабля Джон Эйкен и корабельный плотник Рассел Мэрт через два дня передали Флиндерсу письменный отчет о результатах обследования, заканчивавшийся следующими выводами: «Во-первых, поскольку уровень воды в трюме повышался на 10 дюймов в час, а сейчас и того больше, маловероятно, что две помпы обеспечат откачку воды, поэтому мы думаем, что при сильной волне корабль едва ли избежит затопления. Во-вторых, совершенно очевидно, что в случае, если судно будет выброшено на берег, оно немедленно разлетится на куски... в-четвертых, мистер Эйкен знает несколько судов такого же типа, как „Исследователь“, построенных в том же самом месте, что и наше судно. Когда они начинают гнить, то этот процесс идет очень быстро... Состояние судна сейчас таково, что едва ли можно рассчитывать найти на нем через двенадцать месяцев хотя бы одну ценную доску. Но если судно будет находиться в условиях прекрасной погоды, то оно продержится на воде в течение шести месяцев».

Заключение было убийственным. Прошло лишь 16 месяцев с начала плавания, рассчитанного на четыре года. Сделано было еще очень мало. Основные работы были впереди. Перед Флиндерсом встала дилемма: продолжать плавание, идя на большой риск, или вернуться в Порт-Джексон. «Отложив в сторону решение двух больших вопросов: наше спасение и завершение плавания сейчас же,— писал Флиндерс в своем дневнике,— я решил продолжать изучение этого залива, если северо-западный муссон не окажется слишком сильной помехой, и после этого действовать в зависимости от обстоятельств».

1 декабря ремонт «Исследователя» был закончен, и Флиндерс приказал возобновить плавание. Через два дня корабль встал на якорь у острова Бентик. 14 декабря Флиндерс достиг мыса Вандерлин. Проведя там рождество, он пошел дальше на север. Начавшийся северо-западный муссон заставил Флиндерса держаться подальше от берега.

Дальнейшее плавание вдоль западного побережья залива Карпентария шло относительно спокойно. Были лишь два неприятных случая. 3 января 1803 г. утонул матрос Уильям Муррей, а 21 января был убит аборигенами другой член экипажа — Уильям Уайтвуд.

3 февраля «Исследователь» подошел к заливу Каледон. В течение недели шло исследование его берегов, а затем Флиндерс возобновил плавание. Он очень спешил. Прошло 12 недель после того, как Эйкен и Мэрт вынесли свой приговор «Исследователю». Судну оставалось жить только три месяца.

13 февраля Флиндерс был в бухте, которую он назвал Мелвилл в честь первого лорда Адмиралтейства виконта Мелвилла. Три дня ушло на ее изучение. 16 февраля «Исследователь» пошел дальше в западном направлении.

Флиндерс был совершенно уверен, что «Исследователь» — единственное судно в этих местах. Поэтому он был чрезвычайно удивлен, заметив скопление судов у южных берегов островов, названных им островами Английской компании (в честь британской Ост-Индской компании). Флиндерс насчитал шесть кораблей, стоявших на якоре как раз там, где он сам намеревался бросить якорь. Флиндерс приказал поднять британский флаг. В ответ на кораблях были подняты белые флаги. Флиндерс послал своего брата в сопровождении вооруженных матросов узнать, кому принадлежат суда. Он думал, что наткнулся на пиратское логово. Но возвратившийся Сэмюэл сказал, что это малайцы под командой некоего Побассо, что их корабли — часть флота в 60 судов, принадлежавших одному из раджей острова Целебес. Они занимаются ловлей трепангов, которых продают китайцам.

Через переводчика Флиндерс узнал, что Побассо впервые побывал в этих местах 26 лет тому назад и после этого был здесь шесть или семь раз. На Флиндерса произвело большое впечатление навигационное искусство Побассо, который совершал столь сложные плавания без каких-либо карт, с помощью лишь карманного компаса. Флиндерс был также удивлен неприхотливостью малайцев. «Они имели месячный запас воды, находившейся в бамбуковых трубках; их еду составлял рис, кокосовые орехи и рыба и небольшое количество кур для вождей», — записал Флиндерс в своем дневнике.

Видя, что малайцы не проявляют никакой враждебности, Флиндерс пригласил Побассо и капитанов малайских судов на «Исследователь». Малайцы рассказали Флиндерсу, что намереваются идти дальше на восток в залив Карпентария для ловли трепангов. Они

уверяли, что обычно привозят около 375 тонн трепангов. На вопрос Флиндерса, не видели ли они рек, впадавших в море с континента к западу от залива Карпентария, малайцы ответили отрицательно.

В память о столь удивительной встрече Флиндерс назвал бухту, где стояли малайские суда, Малайским заливом, а близлежащий остров — островом Побассо.

И англичане, и малайцы торопились продолжать свой путь. Поэтому 19 февраля они расстались. Побассо повел свои суда на юго-восток, а Флиндерс — на запад. Он прежде всего решил тщательно исследовать острова Английской компании. Две недели «Исследователь» передвигался от острова к острову, а Флиндерс наносил на карту их расположение.

Завершив эту работу, Флиндерс направился к заливу Арнем. На вельботе он прошел вдоль всего побережья залива, а затем взял курс на острова Уэссел. Время шло быстро. Срок жизни «Исследователя», определенный Эйкеном и Мэртом, пугающе сокращался. Флиндерс должен был окончательно решить, что делать: идти дальше или вернуться назад. После трудных раздумий он принял решение прекратить исследование северного побережья Новой Голландии, но идти не в Сидней, а на северо-запад, к Тимору.

Было 5 марта 1803 г. В дневнике Флиндерс так объяснил свое решение: «Ветры, дующие в течение последних четырех дней преимущественно с востока, убедили меня, что настало время принять во внимание состояние корабля и необходимость безотлагательного возвращения в Порт-Джексон... Я подсчитал, что, если мы немедленно отправимся в Порт-Джексон, наше возвращение завершится почти в те шесть месяцев, которые были определены Эйкеном и Мэртом, и что мы пройдем вдоль южного побережья и через Бассов пролив, где ожидается наиболее плохая погода, до того как зимние ветры наберут силу. Это даст нам реальный выход из положения, если состояние корабля не окажется хуже, чем мы считаем... Против немедленного возвращения есть следующее возражение: нынешние благоприятные ветры в высшей степени способствуют продолжению изучения этого очень интересного побережья, поскольку мы уже нашли здесь многочисленные гавани и места, удобные для захода судов. Возрастающая скорость течений, улучшающаяся плодородность почв, так же как

и увеличивающаяся близость к нашим индийским владениям,— все это говорит в пользу продолжения изучения этого побережья. Я убежден, что оставить такое место, как это, сознавая, что никогда уже сюда не удастся вернуться, может лишь человек, который не одержим страстью открытий... Я способен сбросить бремя обязанностей, но я никогда не мог похвастать, что обладаю хотя бы искрой того священного огня, который воспламенял души Колумба и Кука! Я, конечно, не такой уж Дон-Кихот в открытиях, хотя, с тех пор как прочел „Робинзона Крузо“, стал постоянно к этому стремиться. Но есть и другое основание для возвращения — это плохое состояние моего здоровья, так же как и многих других членов экипажа, хромота из-за неизлечимых цинготных язв на обеих ногах, не позволяющая мне пользоваться шлюпками или подниматься на верхушку мачты, что совершенно необходимо для проведения достаточно тщательных исследований. Нужно ли говорить, что именно эти обстоятельства заставили меня принять решение вернуться в Сидней. И теперь мы отправились в путь при свежем и благоприятном ветре».

Миновав острова Уэссел, «Исследователь» направился по Арафурскому морю на запад, к порту Купанг, расположенному в юго-западной части Тимора. Флиндерс все еще колебался, куда идти: к Тимору или прямо в Сидней. Лишь 26 марта он окончательно решил идти в Купанг. При этом он руководствовался двумя соображениями. Во-первых, Флиндерс надеялся найти там судно, готовящееся к отплытию в Европу, и на нем отправить в Англию Роберта Фоулера с собранными материалами, а в случае удачи приобрести новые корабли для продолжения своего плавания. Во-вторых, его очень тревожило все ухудшающееся состояние здоровья команды. Больных было уже 22 человека. Судовой врач Х. Белл в своих записках так объяснял причину этого: «Более девятнадцати месяцев прошло с тех пор, как мы покинули Англию, и в течение этого времени представилось лишь две возможности пополнить наши продовольственные запасы и отдохнуть — четыре дня на Мадейре и восемь дней у мыса Доброй Надежды; да еще один раз в Порт-Джексона в день рождения его величества.

За все время пребывания в Порт-Джексона команда корабля не могла достать мяса, а овощей получала

очень мало, да и то лишь вследствие милосердия, проявленного к ней губернатором. За последние восемь месяцев у нас не было возможностей пополнить пищевые запасы, фруктов и овощей — лучших противочинготных средств — доставать не удавалось. В течение этого периода команда судна подвергалась почти непрерывному воздействию страшной, изнуряющей жары и до крайности удушливой атмосферы, что продолжалось до 16 декабря, когда небо заволокли тучи, блеснули молнии, загремел гром и начался ливень. Это изменение погоды очень скоро пагубно отразилось на состоянии здоровья команды: начался страшный понос, часто сопровождавшийся симптомами лихорадки».

31 марта «Исследователь» подошел к Купангу. От команды стоявшего в порту американского судна англичане узнали о заключении в конце марта 1802 г. Амьенского мира между Англией и Францией. Флиндерс немедленно послал своего брата Сэмюэла к губернатору — поздравить его с заключением мира, засвидетельствовать уважение к местным властям и познакомить их с нуждами англичан. Между губернатором и Флиндерсом установились самые дружественные отношения. Однако, как оказалось, помочь он, в сущности, ничем не мог. Корабль, направлявшийся к мысу Доброй Надежды, ушел десять дней тому назад, а другого не было. Возможности пополнить запасы продовольствия были очень ограниченными. Местных жителей снабжали продуктами, привозимыми из Батавии. Флиндерс смог достать лишь рис. Из Купанга Флиндерс решил отправить письма Бэнксу и, конечно, Аннетт. В первом письме он описал ход экспедиции после того, как «Исследователь» покинул Сидней, а также его нынешнее положение. Во втором — он вновь и вновь уверял Аннетт в своей любви, не говоря ни слова о своей серьезной болезни. Он объяснял Аннетт, что письмо будет идти очень долго: сначала оно попадет в Батавию, оттуда на мыс Доброй Надежды, затем в Амстердам и, наконец, в Лондон. Тогда земной шар представлялся необъятным, а расстояния между частями света — гигантскими.

В то время как англичане и все обитатели Купанга радовались заключению Амьенского мира, этот договор не соблюдавшийся с самого начала, совсем потерял свою силу. 8 марта 1803 г. британский король Георг III в своем послании палате общин заявлял, что Франция

угрожает безопасности Англии и что он «рассчитывает на содействие своей верной палаты, дабы были приняты все возможные меры к защите чести и интересов английского народа».

Наполеон отнесся к этому посланию как к объявлению войны. Собрав в Париже иностранных послов, он сказал: «Англичане желают войны; но если они первыми обнажат меч, я последним вложу его в ножны. Англия не уважает договоров. Ну что же, завесим их черным покрывалом!»

12 мая Англия отозвала своего посла из Парижа. Франция уважала заключенные договоры не более Англии. Всего лишь через месяц после заключения Амьенского мира Наполеон попытался подорвать владычество Англии в Индии. В Индию на шести судах отправился французский отряд в составе 1800 человек под командованием генерала Декана. Но французы потерпели неудачу у Пондишери и вынуждены были идти к Маврикию, где и закрепились на восемь лет, до 1811 г., совершая непрерывные нападения на английские суда, плававшие в Индийском океане.

Однако на Тиморе об этом ничего не знали. 7 апреля «Исследователь» был готов начать плавание. В полдень Флиндерс с несколькими офицерами отправился на обед к губернатору. Возвратившись на корабль, он обнаружил, что два члена экипажа — кок Уильямс, малаец, и Мортлейк, поступивший на «Исследователь» в Порт-Джексоне, — исчезли. Флиндерс тут же послал лейтенанта Фоулера сообщить губернатору о дезертирах. И хотя тот, симпатизируя Флиндерсу, принял все необходимые меры, беглецов найти не удалось. Они успели скрыться в глубине острова. Прождав до утра и убедившись, что следы дезертиров не обнаружены, Флиндерс распорядился выходить в море. Дав тридцатизалповый салют, «Исследователь» покинул гавань.

В инструкции Адмиралтейства Флиндерсу предписывалось сразу же после завершения исследования северного побережья Новой Голландии обследовать район Индийского океана к юго-западу от Тимора. Это место, по рассказам голландских мореплавателей, побывавших там еще в XVII в., было опасно для судоходства из-за многочисленных рифов и мелей. То же говорил и Дампир, но со слов других, поскольку сам он не проводил здесь исследований. Адмиралтейству важно было знать дейст-

вительное положение вещей, ибо, как указывалось в инструкции, если окажется, что этот район океана благоприятен для судоходства, «корабли Ост-Индской компании при частом использовании в дальнейшем этого прохода получают огромное преимущество». Поэтому Флиндерс, покинув Тимор, направился на юго-запад, делая многочисленные (дважды в течение часа) промеры глубин океана. Десять дней продолжалась эта работа. Никаких рифов Флиндерс не обнаружил. «Ничего нет, кроме неба и воды»,— записал он в дневнике. Его заключение было благоприятным: корабли Ост-Индской компании могут не боясь использовать этот путь.

Между тем на «Исследователе» началась дизентерия. Через две недели после выхода из Купанга заболели десять человек. Флиндерс поспешил закончить исследования и с максимальной скоростью направился к Сиднею. Делая до 137 миль ежедневно, «Исследователь» 13 мая достиг мыса Луин. 17 мая умер матрос Дуглас Ботсуайн, а 20 мая — квартирмейстер Уильям Хиллер. «Исследователь» в это время проходил бухту Кинг-Джордж. 25 мая в заливе Спенсер умер сержант Джеймс Гринхолф. Число больных дизентерией на судне достигло восемнадцати. Два члена экипажа — квартирмейстер Джон Дрейпер и матрос Томас Смит — умерли, когда «Исследователь» входил в сиднейскую гавань.

8 июня, через два месяца после того, как «Исследователь» вышел с Тимора, он бросил якорь в Сиднее. Позади остался путь в 5000 миль. «Вельбот был спущен, и командир направился к берегу для встречи с его превосходительством губернатором»,— было записано в судовом журнале.

Несмотря на то что экспедиция была прервана, она дала очень многое. Был тщательно изучен Торресов пролив; залив Карпентария был так точно картографирован, что карты Флиндерса использовались почти полтора столетия после его плавания; была собрана богатейшая коллекция флоры Новой Голландии; впервые в истории человечества пятый континент был обойден вокруг.

Но все это было достигнуто ценой больших жертв. Почти четверть первоначального экипажа «Исследователя» погибла. По прибытии в Сидней на его борту было двенадцать тяжелобольных, четверо из которых

вскоре умерли. Сам Флиндерс страдал и душевно, и физически, что видно из его письма к Аннетт, посланного из Сиднея в июне 1803 г.: «Меня эти превратности плавания и печальное состояние моих бедных людей очень угнетали. Я с трудом передвигался целых четыре месяца, и мое здоровье сильно ухудшилось».

Всякого другого человека столь неблагоприятные обстоятельства заставили бы уступить, сдаться. Однако не таков был Мэтью Флиндерс. Ослабев телом, он был по-прежнему несгибаем, воля его была все так же тверда.

Рассказав губернатору Кингу о бедственном состоянии экипажа и судна, Флиндерс сразу же поставил вопрос о продолжении экспедиции. В течение недели Флиндерс обсуждал с Кингом возможные варианты. Прежде всего провели новое, детальное обследование корабля, показавшее, что больше его использовать нельзя. После этого осмотрели все суда, находившиеся в сиднейской гавани. Из них подходящим оказалось лишь частное торговое судно «Ролла». Хозяин был не прочь продать его, но потребовал 11 550 фунтов и дополнительно денежную компенсацию за уплату неустойки, которую, по всей вероятности, потребует Ост-Индская компания за невыполнение соглашения с нею. Кинг не мог уплатить такой крупной суммы, и от покупки судна пришлось отказаться.

Можно было бы использовать корабль «Буффало», принадлежавший колониальным властям, но в то время он совершал плавание в Индию и должен был вернуться в Сидней лишь к январю 1804 г. 16 июня Кинг официально предложил Флиндерсу судно «Морская свинка», также принадлежавшее властям колонии. Это был очень маленький корабль, на который невозможно было погрузить необходимое для длительного плавания количество продовольствия и воды, а также разместить весь оставшийся в живых экипаж «Исследователя». Но Кинг сказал, что после изучения северо-западного побережья Новой Голландии можно будет сделать остановку на Тиморе для пополнения запасов, а потом снова продолжить экспедицию. По мнению Флиндерса, судно совершенно не подходило для исследовательской работы. Три недели Флиндерс не давал ответа. Наконец 6 июля он послал Кингу формальное согласие, но просил проверить состояние «Морской свинки». Обследование

показало, что судно требует ремонта, который в условиях колонии займет не менее года.

Вариант с «Морской свинкой» отпал. Начались поиски других возможностей. Кинг предложил Флиндерсу использовать два корабля — «Леди Нельсон» и «Фрэнсис». Эти суда имели те же недостатки, что и «Морская свинка», и Флиндерс отказался от них. Тогда Кинг принял решение отправить Флиндерса и экипаж «Исследователя» в Англию на «Морской свинке», с тем чтобы Флиндерс попросил Адмиралтейство выделить ему новое судно для завершения исследований побережья Новой Голландии.

Флиндерс немедленно согласился с решением губернатора. Он лишь настаивал, чтобы обратный путь в Англию обязательно прошел через Торресов пролив: ему хотелось еще раз проверить этот наиболее выгодный маршрут из Тихого океана в Индийский. Кингу доводы Флиндерса показались убедительными, и он дал согласие.

Началась подготовка судна к предстоящему длительному плаванию. Командиром «Морской свинки» Кинг назначил лейтенанта Фоулера. Флиндерс на этот раз был пассажиром. Перед отплытием из Сиднея он просмотрел все материалы, собранные во время плавания вокруг Новой Голландии, под руководством ботаника Брауна отобрал лучшие образцы из коллекции флоры. Флиндерс написал несколько писем жене. Теперь они были полны радости от предстоящего свидания.

Письмо же родным было очень грустным. В Сиднее Флиндерс узнал о кончине отца. «Смерть дорогого моего отца, который был таким превосходным человеком, явилась для меня тяжелым ударом и глубоко ранила мое сердце... Я лелеял мысль, что сумею создать для него такие удобства, которые сделают остаток его дней самым счастливым временем всей его жизни... О мой самый дорогой, самый добрый отец, как сильно я любил и почитал тебя, об этом ты теперь уже никогда не сможешь узнать».

«Исследователь» был отведен на постоянную стоянку в сиднейской бухте, где он должен был использоваться как склад. Пушкарь Роберт Колпиттс был оставлен на нем в качестве сторожа.

Наконец все было готово к отплытию, и 10 августа «Морская свинка» в сопровождении двух кораблей —

«Бриджуотер» и «Катон» — покинула Сидней. «Бриджуотер» и «Катон», принадлежавшие Ост-Индской компании, направлялись в Индию. Их капитаны хотели проверить новый путь туда через Торресов пролив.

Корабли взяли курс на северо-запад. В первый день они шли медленно, но затем подул благоприятный ветер, и скорость увеличилась до 100 миль в день. В течение пятого дня плавания корабли покрыли даже 160 миль. К концу седьмого дня они оставили за собой 745 миль морского пространства. Все шло прекрасно. Но восьмой день стал одним из самых страшных дней в жизни Флиндерса. Двенадцать лет он провел в плаваниях, попадал в труднейшие ситуации, но всегда выходил из них благополучно. И вот теперь, когда Флиндерс возвращался в Англию, уже многого добившись и надеясь в ближайшее время достигнуть гораздо большего, его ждало самое неприятное, что может случиться с моряком, — кораблекрушение. Сначала «Морская свинка», шедшая впереди, а затем «Катон» разбились о рифы. Это случилось в 200 милях к северо-западу от залива Херви. «Бриджуотер» не пострадал.

В первые минуты после катастрофы Флиндерс думал только о спасении людей и материалов экспедиции. Он приказал спустить на воду шлюпку, намереваясь идти на ней за помощью к «Бриджуотеру». Но высокая волна отбрасывала шлюпку назад, и Флиндерс вынужден был вернуться на борт «Морской свинки».

Когда рассвело, Флиндерс увидел в полумиле от места кораблекрушения песчаную отмель. Через несколько часов команды обоих кораблей были уже вне опасности. Удалось спасти большую часть продовольствия, пресную воду, палатки, оружие, порох, различные инструменты. Флиндерс приказал подавать сигналы «Бриджуотеру», но с судна не последовало ответа, и вскоре оно скрылось из виду. Э. Полнер, капитан «Бриджуотера», совершил тягчайшее преступление: бросил на произвол судьбы попавших в беду товарищей. Придя в Бомбей, Полнер написал отчет о плавании, в котором утверждал, что ничем не мог помочь морякам с «Морской свинки» и «Катона», потерпевшим бедствие. Это была очевидная ложь, ибо Полнер и не пытался этого сделать. Жестокосердие было скоро наказано: «Бриджуотер», покинув Бомбей, бесследно исчез в океане.

Моряки, спасшиеся на маленьком островке, посоветовавшись, решили, что Флиндерсу с небольшой командой надо попробовать на катере добраться до Сиднея.

26 августа Флиндерс вместе с капитаном «Катона» Парком и двенадцатью матросами на катере «Надежда» отправились в обратное плавание. Держась вблизи побережья континента, Мэтью Флиндерс 8 сентября привел «Надежду» в Сидней. Позднее в книге «Путешествие к Тегга Australis» Флиндерс не без гордости писал об этом плавании: «Читатель, возможно, никогда не проходил в открытой лодке 250 лиг в море или вдоль таинственного берега, населенного дикарями. Но если он вспомнит о том, как важно было для спасения восьмидесяти офицеров и матросов, оставленных на рифе Крушения, и для сохранения карт, дневников и других материалов о плавании „Исследователя“ наше возвращение, то, может быть, поймет, какую радость мы чувствовали, входя в порт. Я немедленно сошел на берег и вместе с капитаном Парком направился к его превосходительству губернатору Кингу, которого мы нашли обедающим с семьей. Бритва не касалась наших щек со дня кораблекрушения, и можно представить себе удивление губернатора, увидевшего двух людей, которые возникли перед ним в таком виде, тогда как он считал, что они находятся за много сотен лиг от Сиднея на пути в Англию».

Кинг немедленно распорядился о проведении спасательной операции. Но прошло еще тринадцать дней, прежде чем «Ролла», частное судно, направлявшееся в Китай, и «Фрэнсис», корабль, принадлежавший колониальной администрации, направились к месту катастрофы. Флиндерс был назначен Кингом командиром шхуны «Камберленд» водоизмещением 29 тонн, направлявшейся в Англию через Торресов пролив.

В пятницу 7 октября, в полдень, через шесть недель после кораблекрушения, спасательные суда подошли к злополучному рифу. Дав салют, корабли встали на якорь. Когда Флиндерс сошел на берег, он попал в дружеские объятия. «Радость людей от моего возвращения была столь велика, что сделала этот день одним из счастливейших в моей жизни», — писал впоследствии Флиндерс.

Когда все немного успокоилось, Флиндерс собрал людей и рассказал о своих дальнейших намерениях.

Тем, кто хотел вернуться в Сидней, он предложил плыть на «Фрэнсисе». Остальным, кроме десяти человек, отобранных Флиндерсом, было предложено идти на «Ролле» в Кантон, а оттуда на другом судне возвратиться в Англию. Владельцу «Исследователя» Джону Эйкену, боцману Эдварду Черрингтону, своему слуге Джону Элдеру и семи матросам Флиндерс предложил плыть с ним на «Камберленде».

10 октября все приготовления были окончены, и корабли вышли в море, каждый следуя своим путем. Часть команды «Исследователя» на «Ролле» добралась до Англии в следующем году. Флиндерса и его спутников ждала иная участь.

Через Торресов пролив «Камберленд» прошел благополучно. Но Флиндерса очень тревожила усилившаяся течь судна. Помпы работали безостановочно. Когда 10 ноября «Камберленд» подошел к Купангу, одна из помп вышла из строя, и вода в трюме поднялась до опасного уровня. Увидев, что в Купанге нет возможности отремонтировать корабль, Флиндерс уже на следующий день покинул порт.

Кинг не советовал Флиндерсу после Купанга заходить в какие-либо порты, особенно на острове Маврикий, опасаясь неприятностей со стороны французских властей. Следуя этому совету, Флиндерс повел «Камберленд» от Тимора к мысу Доброй Надежды. 4 декабря погода ухудшилась. Исправной оставалась лишь одна помпа; работая круглые сутки, она не справлялась с откачкой воды. К тому же экипаж начал испытывать недостаток продовольствия и воды, так как небольшие размеры судна не позволили взять в Купанге достаточный запас того и другого.

В этих критических условиях Флиндерс решил идти к Маврикию, надеясь, что имевшееся у него охранное письмо французского правительства защитит его в случае каких-либо осложнений и он сможет произвести на острове ремонт судна и пополнить запасы продовольствия и воды.

Утром 15 декабря показались скалы Маврикия, который французы называли тогда Иль-де-Франс. По беспокойству, которое вызвало на берегу появление «Камберленда», Флиндерс понял, что Франция и Англия опять находятся в состоянии войны.

Он немедленно послал на берег Эйкена сообщить вла-

стям, что у него есть охранное письмо французского правительства. Майор Дуненвиль, явившийся на борт «Камберленда», прочитал это письмо и пригласил Флиндерса на обед. Флиндерс сказал майору, что ему необходим лоцман, чтобы провести «Камберленд» к главному городу острова — Порт-Луи, а также что на судне ощущается недостаток питьевой воды. Дуненвиль обещал прислать на следующий день лоцмана и снабдить команду «Камберленда» водой.

Днем Дуненвиль вернулся на английское судно вместе с командиром местного гарнизона, который обратил внимание Флиндерса на то, что в охранном письме указан «Исследователь», а не «Камберленд», и объявил, что это дело он передаст на рассмотрение губернатора острова. Все просьбы Флиндерса были удовлетворены, обед с французскими офицерами на берегу прошел дружески, и, когда на следующий день «Камберленд» направился в Порт-Луи, у Флиндерса не было беспокойства по поводу предстоящей встречи с губернатором Маврикия генералом Шарлем-Матьё Деканом.

ПЛЕН

17 декабря в четыре часа пополудни «Камберленд» бросил якорь в Порт-Луи. В сопровождении французского офицера и переводчика Флиндерс направился к дому губернатора. Два с половиной часа ему пришлось ждать приема: сначала генерал Декан обедал, потом беседовал со своими офицерами. Наконец Флиндерса попросили войти. Он увидел невысокого, довольно тучного человека — это и был генерал Декан. Губернатор, даже не поздоровавшись с Флиндерсом, потребовал показать охранное письмо. Затем Декан спросил Флиндерса, как тот попал на остров. Рассказу Флиндерса он не поверил, прямо заявив ему об этом: «Это невероятно, чтобы губернатор Нового Южного Уэльса мог послать вас в исследовательскую экспедицию на столь маленьком судне!»

Флиндерс был весьма удивлен подобным приемом. Он не мог знать, что лишь за шесть дней до прихода «Камберленда» в Порт-Луи Перон, о котором говорилось в предыдущей главе, вручил губернатору свой доклад о плавании в Новую Голландию, где говорилось, что Флиндерс по указанию своего правительства ищет для британского флота базы в Тихом океане.

Губернатор вернул Флиндерсу охранное письмо, и тот, считая визит законченным, направился было к двери, но переводчик попросил его подождать, а сам вышел из комнаты. Через несколько минут он вернулся вместе с офицером, которому Декан дал какие-то распоряжения, которые не были переведены Флиндерсу.

Выйдя из дома губернатора, Флиндерс спросил переводчика, куда его ведут. В порт, ответил тот, чтобы на шхуне вместе вернуться на «Камберленд». Переводчик добавил, что губернатор распорядился забрать все материалы, относящиеся к плаванию Флиндерса, причем не только карты и судовые записи, но и частные письма.

На корабле Флиндерс передал все требуемые материалы французскому офицеру, который положил их в сундук. Он попросил Флиндерса собственноручно его

опечатать и подписать формальный документ об изъятии материалов. Флиндерс отказался это сделать, ибо в документе изъятие материалов объяснялось тем, что появление «Камберленда» у берегов острова Иль-де-Франс показалось местным властям подозрительным. Вместо подписи Флиндерс в конце документа написал, что у него отобрали все карты, судовые записи, личные бумаги и письма. Флиндерс заявил протест против действий губернатора. «Манера поведения Декана, — сказал он, — заставит меня серьезно подумать, нанести ли губернатору второй визит и стоит ли вообще выходить на берег еще раз». На это переводчик ответил, что Флиндерс должен взять свои личные вещи и тотчас же вернуться на берег. Тот возмущенно воскликнул: «Разве я пленник?» — «Так оно и есть, — невозмутимо сказал переводчик, — но я надеюсь, что это положение продлится лишь несколько дней, пока будут рассматриваться отображенные бумаги».

В час ночи французы, забрав с собой Флиндерса и Эйкена, покинули «Камберленд». Команда корабля осталась под охраной французских солдат.

Флиндерс и Эйкен были доставлены в большое здание, находившееся в центре города. По очень грязной лестнице их провели на второй этаж и поместили в комнате, где были две раскладушки, маленький столик и два стула с продавленными сиденьями. Войдя в эту убогую и грязную комнату, Флиндерс подумал, что это тюремная камера, но тут же с удивлением обнаружил, что на окнах нет решеток, а в двери глазка.

Флиндерс и Эйкен сразу же легли спать, но, взволнованные всем происшедшим, не могли заснуть почти до рассвета. В шесть часов утра Флиндерс был разбужен приходом в комнату двух вооруженных гренадеров. Один из них что-то сказал другому, указывая при этом на лежавших англичан, а затем ушел. Гренадер, оставшийся в комнате, стал расхаживать между раскладушками, не обращая, казалось, никакого внимания на англичан.

Как ни старался Флиндерс уснуть, ему это не удалось. Он встал, оделся и разбудил Эйкена. Тот спронеся никак не мог понять, где находится и почему в комнате вооруженный солдат.

Гренадер не запрещал англичанам разговаривать и выглядывать на улицу. Из окна они смогли рассмотреть

фасад дома, в котором находились, и установили, что это не тюрьма, а таверна под названием «Кафе Маренго».

В восемь часов им дали завтрак, а в двенадцать — обед. Еда оказалась превосходной: вкусный хлеб, свежее мясо, овощи и фрукты.

В час дня пришел полковник Монистроль, сообщивший, что губернатор хочет видеть Флиндерса. Вместе с Монистролем Флиндерс пришел в губернаторский дом, где секретарь Декана, говоривший по-английски, учинил ему форменный допрос. Почему Флиндерс появился у Иль-де-Франса на маленьком суденышке, тогда как в охранном письме указан «Исследователь»? Что стало с офицерами и учеными, принимавшими участие в экспедиции? Знал ли Флиндерс о войне между Францией и Англией до прибытия на остров? Какие цели преследовал Флиндерс, подходя к юго-западной части острова? Затем секретарь потребовал, чтобы Флиндерс показал распоряжения губернатора Нового Южного Уэльса Кинга относительно плавания «Камберленда».

Допрос продолжался шесть часов. Ответы Флиндерса были переданы Декану, и вскоре англичанина, к величайшему его удивлению, пригласили на обед к губернатору.

Если бы не было утомительного и, с точки зрения Флиндерса, недопустимо оскорбительного допроса, то он, спокойно взвесив все обстоятельства, возможно, принял бы приглашение, чтобы в интимной обстановке неофициального обеда попытаться убедить губернатора в беспочвенности его подозрений, снять напряженность в их отношениях. Но позади у Флиндерса было очень трудное плавание, он был измучен физически и морально. К тому же его угнетала манера обращения с ним губернатора. Неожиданное приглашение на обед Флиндерс расценил как новое оскорбление, и потому оно вызвало у него взрыв ярости. «В моем теперешнем положении и при таком обращении со мной это невозможно, — резко сказал Флиндерс. — Когда я получу свободу и его превосходительство действительно захочет пригласить меня, я буду рад этому и приму его приглашение с удовольствием».

Слова Флиндерса были немедленно переданы Декану и, видимо, сильно его заделали. Офицер, явившийся от губернатора, сказал, что генерал пригласит Флиндерса на

обед лишь «после его освобождения», но когда это освобождение наступит, умолчал.

Флиндерс попросил, чтобы гренадеры караулили его, находясь вне комнаты, а также чтобы Эйкен был возвращен на «Камберленд» для поддержания дисциплины на борту. Просьбы Флиндерса были переданы губернатору. Тот ответил, что сейчас уже поздно давать новые распоряжения и что завтра он пригласит к себе Флиндерса для разговора.

На следующее утро, 19 декабря, гренадеру было приказано нести караульную службу вне комнаты, а в полдень переводчик сообщил Флиндерсу, что губернатор очень занят и не сможет его принять. Эйкену Декан не разрешил вернуться на корабль. 20 декабря к Флиндерсу пришел боцман с «Камберленда» Черрингтон и сообщил, что дисциплина падает. Матросы взяли из капитанской каюты спиртные напитки, отлучаются с корабля, когда захотят, а французская стража не обращает на это никакого внимания. В час дня в таверне появился переводчик и отвел Флиндерса в дом губернатора. Секретарь, встретивший англичанина, сказал, что губернатор очень загружен делами и не сможет его принять. Флиндерс вернулся в таверну, опять ничего не узнав о намерении Декана.

Флиндерса беспокоило сообщение Черрингтона о падении дисциплины команды. Он решил сообщить об этом губернатору и вновь попросить вернуть Эйкена на «Камберленд». Вечером в таверну пришел переводчик. Он сообщил Флиндерсу, что капрал с «Камберленда» наказан за небрежное исполнение обязанностей, а один из английских матросов, обнаруженный на берегу, арестован.

21 декабря появился полковник Монистроль в сопровождении переводчика и сообщил Флиндерсу содержание письменного приказа губернатора. Ознакомление с судовым журналом, говорилось в нем, показало, что Флиндерс совершенно изменил свою миссию, для выполнения которой французское правительство выдало ему охранное письмо. Флиндерс не имел права проверять направление ветра в этом районе, останавливаться у острова Иль-де-Франс, обследовать порты, изучать положение колонии. Это расценивается как нарушение нейтралитета. Поэтому губернатор посылает полковника Монистроля на «Камберленд», чтобы в присутствии Флиндерса за-

брать все оставшиеся на борту корабля бумаги, которые, возможно, явятся дополнительным доказательством выдвинутых против него обвинений. После изъятия бумаг Флиндерсу предписывается возвратиться в «Кафе Маренго». Команда «Камберленда» будет арестована, а судно будет строго охраняться.

В соответствии с приказом Декана Флиндерс и Эйкен были доставлены на борт «Камберленда». Все находившиеся на корабле бумаги были изъяты, после чего оба англичанина вернулись в таверну.

Флиндерса глубоко оскорбило обвинение в шпионаже и возмутили действия губернатора в отношении как его самого, так и экипажа «Камберленда». Вернувшись в таверну, он написал Декану письмо, в котором опроверг выдвинутые против него обвинения. Флиндерс напомнил губернатору о том, как в Сиднее принимали экипажи «Географа» и «Натуралиста», хотя они появились в то время, когда между Англией и Францией шла война. Флиндерс вновь указал, что плыл на «Камберленде» в Англию, чтобы просить Адмиралтейство выделить новое судно для продолжения изучения берегов Новой Голландии. «Я хочу спросить вас, — написал в заключение Флиндерс, — захочет ли французский народ, независимо от того, есть или нет необходимое охранное письмо, остановить продолжение плавания, которое принесет пользу мореплавателям всего мира?»

Пять дней Флиндерс ждал ответа, но напрасно. Нервное состояние, вызванное неопределенностью его положения, ощущение собственного бессилия перед незаконным колониальными властями усугублялись невыносимой жарой и духотой. Солнце палило нещадно, а горы, окружавшие Порт-Луи с востока и юга, закрывали его от северного ветра, дувшего с океана. С ноября по апрель жители, если их не задерживали в городе дела, переезжали в более высокие и открытые для ветров части острова.

«Мы, заточенные в центре города, — писал впоследствии Флиндерс, — а до этого три месяца находившиеся в крайней тесноте на двадцатидевятитонном суденышке, особенно остро ощущали все неудобства нашего положения, да и тягостное чувство, вызванное столь плохим обращением, пагубно отражалось на нашем здоровье. Но жара и недостаток свежего воздуха были еще не самыми страшными бедами. Наши незавешенные кровати оста-

ждали полчища клопов и рои москитов, и укусы этих насекомых... были значительно болезненнее, чем обычно. Почти весь покрытый зудящими ранками, которые на ногах и руках превращались в язвы, я написал губернатору, прося его прислать ко мне врача, а также сообщить, каким образом я могу послать письма в Адмиралтейство Великобритании, а также своей семье и друзьям. Основной вопрос я не затрагивал, ожидая ответа на ранее посланное письмо».

В полдень один из офицеров сообщил Флиндерсу, что губернатор разрешает ему писать письма, но они должны передаваться мэру города незапечатанными, а тот уж будет посылать их адресатам. Вечером к Флиндерсу пришел врач и затем посещал его ежедневно.

Ответа на свое первое письмо губернатору Флиндерс не получил. Поэтому 25 декабря он написал новое письмо, в котором вновь отвергал домыслы о его шпионских действиях, указывая, что поражен «неджентльменскими и неосмотрительными» действиями офицера столь высокого ранга. Он настаивал на освобождении и разрешении продолжать плавание, ссылаясь на охранный ответ французского правительства.

Вечером того же дня солдат принес Флиндерсу ответ губернатора, написанный по-французски. Флиндерс, сгоравший от нетерпения узнать его содержание, не стал дожидаться утра, когда должен был прийти переводчик, а, взяв словарь, кое-как прочитал текст.

Губернатор отчитывал Флиндерса за непочтительный тон его писем и заявлял, что прекращает с ним всякую переписку, поскольку Флиндерс «мало знаком с правилами приличия». Ответ губернатора привел Флиндерса в ярость. «Обвинение в несоблюдении правил приличия, — писал он много лет спустя, — звучало странно в устах того, кто продержал меня около двух часов на улице, когда я пришел по его приглашению, и кто назвал меня обманщиком без всякой проверки».

Видя, что добиться освобождения пока не удастся, Флиндерс решил просить губернатора вернуть хотя бы бумаги, книги, карты, взятые французами с «Камберленда». На следующее утро, после того как переводчик прочитал письмо губернатора, Флиндерс письменно изложил ему свою просьбу: вернуть книги, рукописи и карты, с тем чтобы закончить составление карты залива Карпентария. Одновременно Флиндерс обращал внимание гу-

бернатора на то, что команду «Камберленда» содержат в плохих условиях и отвратительно кормят. «Я представил жалобу моих матросов на то, что их поместили в месте, лишенном доступа свежего воздуха, что в климате, подобном этому... является губительным для организма европейцев», — писал Флиндерс в книге «Путешествие к Terra Australis».

Ответ губернатора Флиндерсу принес один из офицеров, который передал ему также бумаги и книги. Жалоба на плохое содержание команды была отвергнута.

Флиндерс находился, в сущности, в тюремных условиях, хоть и был помещен в таверне. У двери в его комнату постоянно дежурил часовой. Посещать Флиндерса могли только врач и переводчик, да и последние, проходя к нему, предъявляли часовому письменное разрешение губернатора. Местному слуге, который приносил Флиндерсу еду, запрещалось с ним разговаривать. На просьбы врача разрешить Флиндерсу небольшие прогулки, что было необходимо для восстановления его здоровья, Декан всякий раз отвечал отказом.

Флиндерсу так и не были возвращены наиболее ценные из взятых с «Камберленда» материалов, его судовой журнал, дневники.

3 февраля 1804 г. Флиндерс послал губернатору новое письмо, в котором выражал протест против действий французских властей и просил Декана принять его. Через пять дней переводчик передал ему ответ губернатора: «Капитан Флиндерс должен знать, что я не желаю его видеть и не хочу отвечать на его письма. Мне бесполезно с ним встречаться, ибо разговор, вероятно, будет таков, что вынудит меня отправить его в тюрьму».

Новые письменные обращения Флиндерса к губернатору также не привели ни к чему. Его жизнь в Порт-Луи оставалась без изменений. Лишь в последний день марта 1804 г., через 105 дней после ареста, Флиндерса поместили в доме, находившемся на расстоянии мили от города. За неделю до этого команда «Камберленда» была переведена из плавучей тюрьмы на берег, а затем отправлена в восточную часть острова.

Флиндерсу разрешили прогулки, правда в сопровождении кого-либо из французских офицеров. Первая же прогулка показала, как он еще слаб. «Эту небольшую прогулку на расстояние мили, — писал впоследствии Флиндерс, — я был в состоянии совершать лишь с помо-

щью полковника Монистроля, на руку которого я опирался».

В доме, где теперь жил Флиндерс, находилось еще несколько английских капитанов, захваченных в плен французами. Вообще к этому времени на Маврикии было уже немало пленных британцев, поскольку французский флот, базировавшийся в основном на этом острове, в 1803—1804 гг. усилил свои действия против британских судов, плававших в Индийском океане. Командующий британским флотом в Индийском океане адмирал Питер Рейнир в июне 1804 г. приказал блокировать остров. Однако сделать это не удавалось. 27 сентября у берегов Маврикия появилась английская эскадра в составе пяти кораблей под командованием капитана Джона Осборна.

У пленников возникла надежда на освобождение. С большим волнением они ждали результатов переговоров между Осборном и Деканом об обмене военнопленными. Но Флиндерса и его товарищей по несчастью ждало разочарование. Им передали, что Декан отказался вести какие-либо переговоры об освобождении захваченных англичан. В конце октября английская эскадра отошла от острова.

Декан, отказывавший Флиндерсу во всех его просьбах и продолжавший держать капитана, по сути, под домашним арестом, был куда более снисходителен к другим британским пленным. В ноябре двум англичанам было разрешено вернуться на родину. «Я использовал благоприятную возможность, — писал Флиндерс в книге „Путешествие к Terra Australis“, — послал с одним из этих джентльменов помимо общей карты Terra Australis, содержащей все мои открытия и исследования, и записку о магнетизме судов, адресованную президенту Королевского общества».

Вскоре были освобождены многие другие англичане, находившиеся в плену на острове Маврикий. Некоторые из них были направлены в Индию, другие — прямо в Англию. Положение Флиндерса оставалось прежним. 17 декабря 1804 г. капитан написал новое письмо губернатору, в котором обращал внимание на то, что прошел уже год его заключения, а он все еще остается в полном неведении относительно своей дальнейшей судьбы. Флиндерс просил отправить его во Францию, чтобы там рассмотрели его дело и приняли окончательное решение. Губернатор даже не ответил на это письмо, как не отве-

тил и на второе, посланное через неделю. Между тем здоровье Флиндерса продолжало оставаться очень плохим.

В мае 1805 г. было освобождено еще несколько англичан, среди них и Эйкен. Они покинули Маврикий на борту американского судна. С Эйкеном Флиндерс послал в Англию подробные данные о своих открытиях в Новой Голландии.

4 июля к берегам Маврикия вновь подошла эскадра под командованием капитана Джона Осборна. На этот раз договоренность об обмене военнопленными была достигнута очень быстро. Но Флиндерса Декан опять не отпустил, несмотря на то что получил от британского генерал-губернатора в Индии специальное письмо по этому поводу. Секретарь Декана объяснил Флиндерсу, что его дело рассматривается непосредственно французским правительством, поэтому губернатор до получения ответа из Парижа не может предпринять каких-либо действий.

В августе Флиндерсу было передано распоряжение губернатора перебраться куда-нибудь подальше от побережья. Посоветовавшись со знакомыми французами, Флиндерс выбрал плантацию, находившуюся в 12 милях от Порт-Луи. Она принадлежала мадам д'Арифа. Там в конце октября 1805 г. Флиндерс впервые получил письма из Англии от родных и знакомых, о которых он ничего не знал более трех лет. «В письме президента Королевского общества,— писал впоследствии Флиндерс,— сообщалось, что из-за непонимания между французским и британским правительствами, которое было очень велико, не существовало никакой связи между ними; но что он, президент, получив согласие правительства, сделал представление обо мне в Национальный институт Франции, от которого ожидает благоприятного ответа. Президент выражал надежду, что, как только император Наполеон вернется из Италии, будет получен приказ о моем освобождении».

Письмо Бэнкса вселило во Флиндерса надежду на скорое освобождение. Поэтому он был огорчен появлением у берегов Маврикия британских фрегатов «Питт» и «Терпсихора», ибо, как писал Флиндерс, «каждую неделю мог прибыть ожидаемый приказ, но этому могло помешать столкновение французского корабля с нашими судами».

Три месяца прошло в бесплодных ожиданиях. В начале февраля 1806 г. из Франции вернулся офицер, посланный туда губернатором. Но он не привез никаких указаний французского правительства относительно Флиндерса. Ничего нового не сообщил и прибывший из Шербура 25 февраля брат губернатора. Тогда Флиндерс снова написал Декану, прося отослать его во Францию для суда. Ответ губернатора опять был отрицательным. Правда, Флиндерсу передали, что Декан прочел письмо очень внимательно и обещал еще раз обратиться к правительству по поводу решения его судьбы.

В середине апреля на родину отбывало несколько пленных англичан. С ними Флиндерс послал письма в Адмиралтейство, друзьям в Англии и во Франции. Он также написал письмо французскому морскому министру, прося затребовать его в Париж для дачи объяснений, но ответов на свои письма не получил.

Пока Флиндерс томился в плену на далеком острове, находившемся на расстоянии 9 тыс. миль от Англии, в Европе происходили драматические события. Во второй половине 1803 г. Наполеон начал готовиться к вторжению на Британские острова. Громадная армия, насчитывавшая около 120 тыс. человек, была размещена в шести больших укрепленных лагерях от Голландии до Бреста. Во всех бухтах пролива Па-де-Кале стояли эскадры транспортных судов. Лихорадочно оборудовались доки, строились пристани; шлюпки, рыболовные и другие суда переделывались и вооружались. Около 2,5 тыс. разных судов были готовы выйти в море. Французский военно-морской флот должен был прикрыть десантные операции. Командующий флотом адмирал Латуш-Тервиль был уверен в успехе.

Тем временем Наполеон сделал решающий шаг к установлению своего полного единовластия. 18 мая 1804 г. он объявил себя императором Франции.

После внезапной смерти адмирала Латуш-Тервиля в Тулоне командующим флотом был назначен вице-адмирал Пьер-Шарль Вильнёв. Британский флот в то время блокировал побережье Франции. Чтобы усыпить бдительность англичан, Наполеон приказал Вильнёву выйти из Тулона, соединиться в Кадисе с испанским флотом, которым командовал адмирал Гравин, и направиться к Антильским островам; там дожидаться французской эскадры под командованием адмиралов Миссиесси и

Гантома и вернуться с ними в Ла-Манш для прикрытия десанта, который предполагалось высадить на территории Англии.

29 марта 1805 г. Вильнёву удалось незаметно выйти из Тулона, но затем его ждали сплошные неудачи. Он не встретил французских кораблей у Антильских островов, ему не удалось прорваться сквозь заслон британской эскадры под командованием адмирала Корнуэльса, блокировавшей Брест и охранявшей вход в Ла-Манш. Вильнёв пошел в Кадис. Получив приказ крейсировать в неаполитанских водах и немедленно атаковать встретившегося врага, если его силы будут меньшими, Вильнёв, в распоряжении которого находилось 33 корабля объединенного франко-испанского флота, 20 октября 1805 г. покинул Кадис.

На следующий день у мыса Трафальгар Вильнёв встретил британскую эскадру под командованием адмирала Нельсона в составе 27 судов. Началось ожесточенное сражение, в ходе которого англичане одержали решительную победу. Французы и испанцы потеряли 20 кораблей. Лишь 13 судам удалось вернуться в Кадис. Адмирал Вильнёв попал в плен.

Разбив французов на море, англичане намеревались разгромить их и на суше. Англия пыталась создать очередную коалицию европейских государств, которая бы противостояла Франции. В апреле 1805 г. было заключено соглашение между Англией и Россией. В августе к ним присоединилась Австрия. Шли переговоры о вступлении в коалицию Пруссии.

Однако в конце сентября 1805 г. Наполеон начал новую военную кампанию. Уже 17 октября он разгромил при Ульме австрийскую армию под командованием генерала Макка, 50 тыс. человек были взяты в плен. 13 ноября французские войска оккупировали Вену и двинулись навстречу русской армии. 2 декабря произошло генеральное сражение при Аустерлице, в ходе которого коалиционные войска потерпели жестокое поражение. Австрия капитулировала, подписав 26 декабря Пресбургский мир, лишивший ее всех владений на побережье Адриатического моря. Мирные переговоры начались и с Россией.

В конце января 1806 г. умер неумолимый противник Наполеона Уильям Питт, возглавлявший британское правительство. Его пост занял Уильям Гренвилл, в состав-

ве кабинета которого министром иностранных дел был Чарлз Фокс, сторонник урегулирования отношений с Францией мирным путем. Возможность заключения мира между Англией и Францией стала вполне реальной. В Париже начались англо-французские переговоры. Весть о них дошла до Маврикия лишь в сентябре. К этому времени Фокс умер, переговоры были прерваны, сложилась четвертая коалиция государств против Наполеона.

В сентябре 1806 г. прусский король предъявил Наполеону ультиматум, в котором потребовал очищения германской территории от французских войск. Но уже 14 октября прусские войска были наголову разбиты в битвах при Иене и Ауэрштедте. 27 октября французские войска вступили в Берлин.

Флиндерс, не зная, естественно, о последних событиях, радовался вестям о возможном мире с Францией. Он продолжал упорно трудиться над материалами своей экспедиции. «Я переделал многие из своих карт, выправил и дополнил объяснительную записку, — писал впоследствии Флиндерс, — закончил работу над расширенным текстом дневника, который я вел во время плавания на „Исследователе“ (этот дневник предназначался для Адмиралтейства. — К. М.)... изучал французский язык, чтобы читать поступавшие во все большем количестве книги, особенно о плаваниях и путешествиях. Но что более всего помогало бороться с меланхолией — это письма из Англии от моей семьи и друзей, а также сообщение о том, что мистер Эйкен благополучно прибыл в Лондон со всеми картами, журналами, письмами и инструментами, переданными на его попечение».

Однако проходили недели и месяцы, а Флиндерс все еще оставался на острове. Уже все члены экипажа «Камберленда» уехали в Англию. Лишь его слуга ни за что не хотел бросить своего хозяина. Но в конце концов Флиндерс уговорил его вернуться домой. В начале июля 1807 г. он покинул остров на борту американского судна. Флиндерс отправил с ним в Англию карты, книги и письма.

18 июля на Маврикий из Мадраса прибыл корабль Ост-Индской компании «Маркиз Уэллсли» с пленными французами на борту для передачи их властям острова. Флиндерсу были доставлены два письма от командующего британским флотом в Индийском океане адмирала Эдварда Пеллю, сменившего на этом посту Питера Рейнира. Одно было официальное, другое частное. В первом письме адмирал сообщал, что с французским правитель-

ством достигнута договоренность об освобождении Флиндерса. К письму была приложена записка секретаря Адмиралтейства Уильяма Мэрсдена, в которой говорилось, что три экземпляра распоряжения морского министра Франции на этот счет вручены трем капитанам французских судов, направившихся к острову Иль-де-Франс. Это сделано на случай, если какой-либо корабль попадет в плен.

Во втором письме адмирал Пеллю приглашал Флиндерса погостить у него в Мадрасе, пока он будет находиться в Индии, ожидая корабль для возвращения на родину. Флиндерс немедленно написал письмо губернатору, прося его сообщить, что он собирается предпринять в связи с сообщением, содержащимся в письме адмирала Пеллю.

Ответ, переданный через полковника Монистроля, Флиндерс получил только неделю спустя. Губернатор писал, что пришло письмо от морского министерства, касавшееся Флиндерса. «Как только позволят обстоятельства, вы полностью насладитесь благорасположением, проявленным к вам его величеством императором». Декан послал Флиндерсу копию письма морского министра Франции. Из этого письма Флиндерс узнал, что решение о его освобождении было принято морским министром еще в июле 1804 г., но до марта 1806 г., т. е. почти два года, дожидалось утверждения императора.

Поскольку ничего конкретного в ответе губернатора Флиндерс не нашел, он попросил через Монистроля разрешить ему прийти в Порт-Луи за дополнительными разъяснениями. Однако губернатор ответил, что, когда точно установят дату отплытия, Флиндерсу будет позволено пробыть в городе «столько дней, сколько необходимо».

Видя, что губернатор явно не торопится исполнить распоряжение морского министра, Флиндерс опять через полковника Монистроля потребовал возвращения «Камберленда», который, как он узнал, был переведен куда-то со своей стоянки. Флиндерс сообщал о намерении продать шхуну, ибо возвратиться на ней в Англию было невозможно. Поскольку на вырученные деньги Флиндерс не мог бы купить новое судно на Маврикии, он просил губернатора разрешить ему покинуть остров на каком-либо корабле, направлявшемся в Америку или Индию. Флиндерс также требовал возвращения ему бумаг

и книг, все еще остававшихся в руках французских властей.

Через три недели Флиндерс получил письмо от Монистроля. Его приглашали в город, чтобы возвратить все материалы, изъятые четыре года назад на «Камберленде».

В колониальном управлении полковник передал Флиндерсу сундук с бумагами. Шпага и подзорная труба, сообщил он, будут возвращены при отплытии с острова, так же как и деньги, вырученные от продажи «Камберленда». Флиндерс, просмотрев содержимое переданного ему сундука, обнаружил, что некоторых материалов, относившихся к его плаванию, там нет. Кроме того, многие бумаги и письма из-за небрежного хранения были так испорчены, что прочитать их не представлялось возможным.

Флиндерс тут же передал через Монистроля письменный протест, в котором обращал внимание Декана на то, что: «1. Различные письма и бумаги либо полностью, либо частично уничтожены крысами, клочки этих материалов находятся в сундуке. 2. Отсутствует третий том моего дневника, содержащий описания наблюдений, сделанных на борту „Исследователя“, „Морской свинки“ и шхуны „Камберленд“ за период с июня по 17 декабря 1803 г., дубликата которого я не имею. 3. Отсутствуют два ящика с официальными письмами. В одном из них находились письма от его превосходительства губернатора Нового Южного Уэльса Кинга, адресованные секретарю министерства колоний, а в другом — письма полковника Патерсона, помощника губернатора Нового Южного Уэльса, не помню, кому адресованные».

В Порт-Луи Флиндерс встретился с капитаном «Маркиза Уэллсли» Стоком, и они договорились, что в случае, если губернатор отпустит Флиндерса, он покинет остров на борту этого судна. Но поскольку у Флиндерса было сильное подозрение, что Декан и на этот раз постарается его задержать, он переправил большую часть своих книг и материалов на корабль «Маркиз Уэллсли», а также написал адмиралу Пеллю, что сомневается, выполнит ли губернатор распоряжение морского министра.

Подозрения Флиндерса полностью оправдались. Декан не разрешил ему уехать с острова. Простояв в порту три месяца, «Маркиз Уэллсли» покинул его, не взяв на борт ни одного англичанина.

Перед отплытием капитан Сток послал Декану письмо с просьбой отпустить Флиндерса. Секретарь губернатора устно передал Флиндерсу ответ на него. Губернатор очень сожалеет, сказал он, что не имеет возможности отправить капитана Флиндерса на корабле «Маркиз Уэллсли». Но как только обстоятельства позволят, капитан Мэтью Флиндерс будет освобожден и отправлен в Лондон.

Прошло восемь месяцев, а Флиндерс продолжал томиться в плену. В течение этого времени он неоднократно обращался с просьбой объяснить ему причины задержки на острове, несмотря на распоряжение французского правительства, но ответа не получал.

В июле 1808 г. из Франции пришли два судна. Флиндерс надеялся, что они привезли повторный приказ о его освобождении, и послал письмо губернатору. Но последний ответил, что никаких указаний относительно его освобождения не получено.

В сентябре во Францию отправился фрегат «Резвый». Два французских морских офицера согласились взять у Флиндерса письма в морское министерство, сенат, государственный совет, а также видным ученым. Флиндерс настойчиво использовал любую возможность связаться с французскими и британскими властями, обратить их внимание на свое положение, но его надежды на освобождение постепенно угасали. «Используя эту и другие возможности, — писал он впоследствии, — я сообщал Адмиралтейству и президенту Королевского общества относительно задержки выполнения приказа о моем освобождении. Мои друзья на Маврикии, зная о всех предпринятых мною шагах, выражали уверенность в успехе, но я, будучи столь часто обманут, был менее оптимистичен. Мои обращения и письма ни к чему не приводили, и оставалось мало надежды быть освобожденным до призрачного времени заключения мира».

Но Флиндерс не сдавался. «Постоянные занятия были для меня, как обычно, средством заполнить время ожидания... Получив от друзей несколько рукописей, содержащих описания исследований внутренних районов и побережья Мадагаскара, я начертил карту северного побережья этого обширного острова, которую сопровождал запиской, анализирувавшей имевшийся у меня материал. В этих занятиях, а также в чтении французских авторов, математических исследованиях и встречах с многочис-

ленными друзьями из местных жителей время тревожного ожидания прошло бесполезно».

В марте 1809 г. в Порт-Луи прибыл фрегат «Венера», капитаном которого были Гамелен, в свое время командовавший «Натуралистом», одним из кораблей, участвовавших в экспедиции Бодена. Он не мог встретиться с Флиндерсом, но просил ему передать, что несколько офицеров, принимавших участие в указанной экспедиции, обращались к морскому министру по поводу освобождения Флиндерса и получили ответ, что на Иль-де-Франс был послан приказ о его освобождении и передаче ему «Камберленда». Было ли во Франции известно до ухода в плавание «Венеры», что Декан не выполнил приказ министра, Флиндерс не знал.

Большое огорчение принесло ему известие о том, что Перон опубликовал книгу о плавании Бодена, которому приписал все открытия, сделанные Флиндерсом на южном побережье Новой Голландии. «Издание книги о французских открытиях, написанной господином Пероном, — отмечал впоследствии Флиндерс, — было большой нелепостью. Император Наполеон, придавая общенациональное значение этой книге, выделил большую сумму на ее публикацию. Из „Монитора“ от июля 1808 г. я узнал, что всем открытым мною и капитаном Грантом местам на южном побережье Terra Australis даны французские названия. Ни словом не упомянуто о том, что я когда-либо высаживался на побережье. Говоря о первом томе книги господина Перона, газеты утверждали, что никогда английская нация не совершала плаваний, которые можно было бы сравнить с экспедицией „Географа“ и „Натуралиста“. После исследования южного побережья до острова Кенгуру я встретил капитана Бодена и дал ему первую информацию об этих местах и о том, что его там ожидает. Мне было больно узнать, что, несмотря на это, о моих открытиях не упоминается ни словом. Французское правительство всячески превозносило значение экспедиции Бодена, и все офицеры, принимавшие в ней участие, получили повышения; плавание же „Исследователя“ пока привлекло мало внимания как в Англии, так и во Франции; никто из моих офицеров не был продвинут по службе по возвращении на родину, и для меня ничего не было сделано за долгие годы заключения. Совершенно очевидно, что в одном случае была нарочитая щедрость, а в другом — несправедливость и пренебре-

жение. Огромная разница в отношении к двум плаваниям усугубила мою горечь и поколебала ту слабую надежду, которая еще оставалась у меня на скорое и почетное освобождение».

В мае 1809 г. в Порт-Луи прибыло французское судно, доставившее известие, что все обращения и письма, посланные Флиндерсом с офицерами фрегата «Резвый», переданы адресатам. Но проходила неделя за неделей, а его положение оставалось без изменений. Прождав месяц, Флиндерс написал письмо губернатору, прося его разрешить Аннетт приехать к нему на Маврикий. Впоследствии Флиндерс так объяснял этот свой неожиданный шаг: «В мои планы не входило, чтобы жена покинула Англию, но я надеялся из ответа губернатора узнать о его намерениях. По прошествии шести недель, когда из Франции прибыло еще одно судно, мне был дан следующий ответ: „Губернатор не возражает против приезда вашей жены на жительство в колонию, но для обеспечения ее безопасности необходимо, чтобы она обратилась к министрам его британского величества, которые сделают запрос министрам его величества императора и короля“. Это было равносильно тому, что либо новый приказ о моем освобождении не был получен, либо его не думали выполнять».

В сентябре стали распространяться слухи о намерении Англии напасть на Маврикий, и все пленные англичане стали строго охраняться. В середине месяца британские военные корабли подошли к острову и блокировали его, бомбардировав в ряде мест побережье. 12 декабря к острову подошел корабль британской Ост-Индской компании «Гарриет». Британские суда, патрулировавшие побережье, пропустили его в гавань Порт-Луи. На корабле находился Хью Хоуп, посланный британским правительством для ведения переговоров с Деканом об обмене военнопленными.

Флиндерс узнал, что Хоуп надеялся добиться его освобождения из плена. В конце декабря Хоуп письменно сообщил Флиндерсу, что встретил у Декана очень любезный прием и обсудил с ним вопрос об освобождении Флиндерса. В конце письма он выражал уверенность в успехе. Но Флиндерс не разделял радужных надежд Хоупа, ибо не верил в искренность губернатора. В конце января 1810 г., в соответствии с достигнутой договоренностью об обмене военнопленными, Декан послал ко-

рабль к мысу Доброй Надежды за пленными французами. С этим кораблем Флиндерс отправил в Англию большую часть своих книг и вещей, а также письма родным и знакомым.

К этому времени британский флот прекратил блокаду острова, так как наступил сезон бурь. Сообщение Маврикия с внешним миром восстановилось. Из Франции прибыло несколько кораблей, но ничего нового для пленника они не привезли.

Неожиданно 13 марта 1810 г. Флиндерс получил письмо от Хоупа, в котором он сообщал, что губернатор согласился освободить и отправить Флиндерса на «Гарриет»; официальное уведомление об этом должно быть передано ему в тот же день. Отплытие корабля назначено на конец марта. Но ни в тот день, ни через неделю письмо от губернатора не пришло. Лишь 28 марта Флиндерс получил следующее письмо от полковника Монистроля: «Его превосходительство губернатор уполномочил меня сообщить вам, что он распорядился отправить Вас на родину на судне „Гарриет“ при условии, что Вы не будете участвовать во враждебных действиях против Франции или ее союзников в течение теперешней войны... Отплытие корабля назначено на субботу 31 марта».

Казалось, уже не будет больше никаких препятствий на пути к освобождению из плена. Но снова надежды Флиндерса не оправдались. На этот раз покинуть остров ему помешали соотечественники. Утром 29 марта к входу в порт подошли британские боевые корабли. Блокада Маврикия возобновилась. Весь апрель и май англичане наглухо закрывали доступ в Порт-Луи. Лишь 10 мая они пропустили в порт судно, доставившее освобожденных из плена французов.

Британским пленным было приказано перейти на борт «Гарриет» и находиться там до ухода судна из Порт-Луи. На рассвете 13 июня корабль вышел в море.

Флиндерсу была возвращена шпага, но третья часть его путевого дневника, официальная корреспонденция и подзорные трубы отданы не были. «Я был слишком счастлив от перспективы покинуть остров, — писал впоследствии Флиндерс, — чтобы расстраиваться по этому поводу... После пребывания в плену в течение шести лет пяти месяцев и двадцати семи дней я чувствовал невыразимое удовольствие находиться вне пределов досягаемости генералом Деканом».

Несколько уменьшало радостное настроение Флиндерса то обстоятельство, что «Гарриет» плыл в Индию. Это затягивало возвращение в Англию по крайней мере на несколько месяцев. Но тут впервые за многие годы Флиндерсу повезло. Судно встретилось с британскими кораблями, блокировавшими Порт-Луи, и Флиндерс узнал, что шлюп «Выдра» срочно посылается к мысу Доброй Надежды с депешами. Командующий британской эскадрой коммодор Роули разрешил Флиндерсу перейти на борт шлюпа. Вечером 14 июня «Выдра» взяла курс к мысу Доброй Надежды, а 11 июля подошла к Кейптауну. Там Флиндерс провел полтора месяца, дожидаясь корабля, направлявшегося в Англию.

28 августа на борту «Олимпии» Флиндерс поплыл к родным берегам. Корабль подошел к Лондону 24 октября 1810 г., сделав на своем пути лишь одну остановку у острова Святой Елены. После более чем девятилетнего отсутствия Флиндерс вновь увидел отечество.

Известие о том, что Флиндерс отпущен из плена и находится на пути к родине, пришло в Англию в сентябре 1810 г. 24 сентября секретарь Адмиралтейства Джон Бэрроу писал Бэнксу: «В нашем бюллетене имеется одно сообщение, которое, я уверен, доставит вам удовлетворение, — об освобождении бедного Флиндерса».

Бэнкс немедленно написал Аннетт, что она очень скоро увидит своего мужа. Эта переписка происходила тогда, когда Флиндерс находился уже в Атлантическом океане и ему оставался лишь месяц плавания.

Аннетт была подготовлена к тому, что увидит мужа не таким, каким он покинул ее, — в расцвете физических и духовных сил. Слуга Флиндерса Джон Элдер, вернувшийся в Англию в феврале 1808 г., писал ей, что капитан «выглядит не так хорошо, как раньше, его щеки впали, волосы очень поседели». Тем не менее вид мужа поразил Аннетт.

От полного жизни, энергичного молодого моряка не осталось ничего. Перед ней стоял пожилой человек, измученный злой судьбой. Как известно, истинное чувство немо. Мэтью Флиндерс молча обнял Аннетт дрожащими, ледяными от страшного волнения руками. Аннетт прижалась к мужу, не в силах сказать ни слова.

Присутствовавший при их свидании лейтенант Джон Франклин, служивший гардемаринном на «Исследователе», поспешил уйти. Через несколько дней в письме к Флиндерсу он так объяснил свой внезапный уход: «Я был так потрясен волнующей сценой вашей встречи с миссис Флиндерс, что не мог оставаться дольше в комнате, так же как не мог прийти к вам вторично в тот же день».

Но жизнь продолжалась. Флиндерса пригласил к себе первый лорд Адмиралтейства граф Спенсер и сообщил, что ему присваивается чин капитана и выплачивается половинное жалованье командира корабля британского военно-морского флота, начиная со дня его освобождения из плена, т. е. с 7 мая 1810 г.

Флиндерс протестовал против этого явно несправедливого решения, добивался, чтобы ему выплачивалось жалованье со времени пленения, т. е. с декабря 1803 г. Но долгое время он ничего не мог добиться. Граф Спенсер ушел с должности первого лорда Адмиралтейства. Назначенный вместо него Чарлз Йорк утверждал, что не имеет права изменить решение, принятое до него, что это дело может решить лишь британский король, а тот был смертельно болен.

Тогда Флиндерс попросил, чтобы ему выплачивали полное жалованье с того времени, как он начнет работу над книгой «Путешествие к Terra Australis». Это будет официальное издание, подчеркивал он, и Адмиралтейство получит на него все права. Адмиралтейство отказало ему и в этом, но Флиндерс не сдавался. Если бы не работа над книгой, писал он в Адмиралтейство, я смог бы поселиться в сельской местности, где жизнь намного дешевле. Работа же над книгой и картами заставляет меня оставаться в Лондоне, где жить на назначенное жалованье — фактически обрекать семью на нищету.

Спор продолжался до второй половины 1811 г. Окончательное решение Адмиралтейства гласило, что Флиндерс будет получать половинное жалованье командира военного судна с 18 декабря 1803 г., а в счет «компенсации» ему будет дополнительно выплачена сумма в 500 фунтов стерлингов.

Все это время Флиндерс вынужден был заниматься поисками наиболее дешевых квартир. За три года жизни в Лондоне он сменил их шесть раз.

Поражает, с какой черствостью и безразличием относились власти к Флиндерсу. Мало того, что он был обречен на нищенское существование, ему предъявили обвинение в незаконном расходовании денежных средств во время плавания «Исследователя». Например, потребовали, чтобы он вернул деньги, уплаченные за фрукты и овощи, купленные на Тиморе для тяжелобольных матросов, компенсировал затраты на освещение кают научно-го состава экипажа во время экспедиции и т. п. Только помощь всесильного Бэнкса спасла Флиндерса от наскоков адмиралтейской бюрократии.

Теперь Флиндерс, казалось бы, мог приступить к осуществлению цели, намеченной еще на Маврикий, — написанию книги о своем путешествии вокруг Новой Голландии. Но и здесь Адмиралтейство пыталось ставить ему

палки в колеса. От брата первого лорда Адмиралтейства адмирала Джозефа Йорка Флиндерс узнал, что Адмиралтейство сначала решило поручить написание книги или «рассказов» о путешествии нескольким литераторам, но затем склонилось к тому, чтобы это сделал Флиндерс с помощью ученых, принимавших участие в плавании «Исследователя». Распоряжение Адмиралтейства гласило: «Их лордство настоящим объявляет, что если сведения, собранные во время плавания, представляются достаточно значительными, то оно согласно с их опубликованием в форме рассказа, составленного командиром по плану, сходному с тем, который был использован при публикации плаваний капитана Кука».

Узнав об этом, Бэнкс немедленно отправил секретарю Адмиралтейства Джону Бэрроу письмо, в котором предложил свою помощь в составлении плана работы. Бэрроу ответил, что Адмиралтейство принимает предложение Бэнкса «с удовольствием и удовлетворением». Одновременно Бэрроу сообщил, что Адмиралтейство приказало ему собрать все рисунки, карты, записки и другие необходимые материалы, поскольку «карты и гравюры будут подготовлены за государственный счет, а бумага, печатание и т. п. оплачиваться не будут». Иначе говоря, Адмиралтейство не брало на себя никаких обязательств, связанных с подготовкой и изданием книги. Все взваливалось на плечи Флиндерса.

Флиндерс целиком погрузился в работу. В соответствии с планом, составленным Бэнксом, он сначала написал расширенное вступление, в котором рассмотрел все плавания к берегам Новой Голландии, совершенные до него, и сделанные во время них открытия. Вступление Флиндерс закончил в конце января 1812 г. Затем он приступил к работе над первым томом, в котором описал плавание «Исследователя» к мысу Луин и вдоль южного побережья Новой Голландии. К первому тому было сделано приложение, в котором уточнялось географическое положение южного побережья пятого континента. Во втором томе Флиндерс рассказал о плавании вдоль восточного и северного побережий Новой Голландии, о возвращении с Тимора в Сидней, а также о последнем плавании, закончившемся его пленением. Ко второму тому были сделаны два приложения. В первом уточнялась долгота восточного и северного берегов Новой Голландии, а во втором сообщалось об очень важ-

ном исследовании Флиндерса — влиянии судового железа на показания компаса. К книге, получившей название «Путешествие к Terra Australis», был приложен великолепно выполненный атлас побережья континента.

В работе над книгой Флиндерсу очень помогали его дневниковые записи. Но, как уже отмечалось, Декан не вернул ему третьей части дневника, касавшейся как раз последнего плавания Флиндерса, которое окончилось у берегов Маврикия. Флиндерс так и не мог ее разыскать. В течение почти 130 лет ничего не было известно о третьей части дневника. Лишь в 1927 г. она была обнаружена среди неразобранных старых рукописей, хранившихся в Лондонском архивном управлении.

Эти годы были нелегкими для Флиндерса: безразличное отношение Адмиралтейства, постоянная материальная нужда, плохое здоровье, мучительная тревога за судьбу книги. Лишь одно событие наполнило радостью его истерзанное сердце: 1 апреля 1812 г. Аннетт родила дочь, названную именем матери.

В начале августа 1813 г. рукопись книги была передана издателям, а в декабре того же года получена корректура. Флиндерс начал ее читать, но в это время его здоровье резко ухудшилось. Болезнь быстро прогрессировала. Флиндерс работал с большим трудом. Дневник — свидетель его медленного угасания. Вот одна из записей: «20 мая. Сегодня сделал очень мало, проверяя опечатки и исправляя корректуру вступления. И все из-за болезни». Флиндерса посещали в это время лишь его брат Сэмюэл да два участника плавания на «Исследователе»: ботаник Роберт Браун и бывший помощник Флиндерса Роберт Фоулер. 26 июня Флиндерс записал в дневнике: «Мистер Браун зашел вечером сказать, что получил от мистера Николя (издателя. — К. М.) экземпляр путешествия и атлас, чтобы положить его сегодня вечером на стол сэру Джозефу Бэнксу».

Желание Флиндерса послать первый экземпляр книги своему неизменному покровителю естественно. Бэнкс всегда поддерживал его. Но в одном очень важном деле президент Королевского общества оказался не на высоте. Он категорически отверг намерение Флиндерса назвать пятый континент Австралией и настоял на том, чтобы книга была названа «Путешествие к Terra Australis». Но Флиндерс все-таки написал в предисловии к книге: «Если б мне разрешили изменить установившееся наз-

вание, я бы выбрал Австралию, как более благозвучное и соответствующее названиям других больших частей земли». Сводную карту атласа, приложенного к книге, Флиндерс озаглавил «Генеральная карта Terra Australis, или Австралии».

Предложенное Флиндерсом название пятого континента быстро получило широкое распространение. С 1817 г. губернатор Нового Южного Уэльса Маккуори стал использовать его в своей официальной переписке, а с 1824 г. оно было окончательно зафиксировано на географических картах мира.

Дни Флиндерса были сочтены. «5 июля. Слабая лихорадка еще продолжается, — записал он в дневнике, — и ночью каждые полчаса испытываю мучительную жажду, которую удовлетворяю желе, апельсиновым соком или водой. Поднялся в час дня в лучшем состоянии, чем вчера, но чрезвычайно слабым». Последняя запись была сделана в воскресенье 10 июля: «Не вставал до двух часов дня, чувствуя себя слабее, чем до этого».

Через восемь дней Аннетт принесла Мэтью экземпляр его книги. Флиндерс был без сознания, но Аннетт положила его руки на тома «Путешествия к Terra Australis». 19 июля 1814 г. в комнате на третьем этаже дома, где жили Флиндерсы, неожиданно раздался крик Мэтью: «Мои бумаги!» Это были его последние слова. В следующее мгновение Флиндерс умер. Ему было немногим более сорока лет. Жажда открытий не оставляла его до последних дней жизни. Незадолго до смерти он подписался на новое издание книги Д. Дефо «Робинзон Крузо», разбудившей в нем страсть к дальним плаваниям.

«Путешествие к Terra Australis» было напечатано в 1173 экземплярах. Если карты, составленные Флиндерсом, Адмиралтейство поспешило размножить и передать на все корабли, шедшие в Южные моря, то книга расходилась очень медленно. В 1837 г. было продано 1150 экземпляров на сумму 2666 фунтов стерлингов, в то время как расходы на издание составили 2717 фунтов. Аннетт пришлось за свой счет покрыть убытки, хотя сделать ей это было очень трудно. После смерти Мэтью, несмотря на хлопоты Бэнкса, Аннетт была установлена мизерная пенсия вдовы капитана корабля. Вдова Джеймса Кука была в неизмеримо лучшем положении: установленная ей пенсия составляла 200 фунтов стерлингов в год.

Чем больше времени проходило со дня выхода «Путешествия к Terra Australis», тем значительнее представлялся жизненный подвиг Мэтью Флиндерса. Так, Роберт Фицрой, капитан корабля «Бигл», на котором Чарлз Дарвин совершил кругосветное плавание, писал в своей книге, увидевшей свет в 1839 г.: «Прежде чем покинуть бухту Кинг-Джордж... я должен выразить глубокое восхищение квалифицированностью и точностью, с которой Флиндерс начертил и описал эти части Новой Голландии и Земли Ван Димена... Его отчеты о ветрах, погоде, климате, течениях и приливах также великолепны, есть и другие сообщения в его громадной работе, полезные многим, а особенно морякам».

Шли годы. Австралия переставала быть таинственной землей. Жители Нового Южного Уэльса в течение двух десятилетий после создания колонии, зажатые на небольшом участке земли между побережьем и Голубыми горами, преодолели наконец горы. Взорам изумленных колонистов открылись необозримые и прекрасные пастбища, которые, как тогда говорили, могли «кормить весь скот колонии в течение последующих тридцати лет».

По приказу губернатора Маккуори начали спешно строить дорогу в открытые районы. В январе 1815 г. Маккуори смог уже проехать по ней до города Батхарст, построенного в 120 милях к западу от Сиднея.

Активность англичан в исследовании Австралийского материка объяснялась тремя причинами: попытками французов обосноваться в Австралии, необходимостью расселять прибывавших ссыльных, а также недостатком пастбищ и воды.

После экспедиции французских судов «Географ» и «Натуралист» вдоль берегов Австралии, о которой рассказывалось выше, англичане поспешили провозгласить свое формальное владение Землей Ван Димена, а затем приступили к созданию поселений Хобарт, Маккуори-Харбор и Лонсестон. Поселения появились также на восточном и на южном побережьях материка — на месте нынешних городов Ньюкасл, Порт-Маккуори и Мельбурн. Исследования Джона Оксли в 1822 г. в северо-восточной части Австралии привели к созданию поселения в районе реки Брисбен.

Экспедиция французского капитана Дюмон-Дюрвилля побудила губернатора Нового Южного Уэльса соз-

дать в 1826 г. на южном побережье Австралии поселение Вестерн-Порт и послать майора Локира к проливу Короля Георга в юго-западной части материка, где он основал поселение, получившее впоследствии название Олбани, и объявил о распространении власти британского короля на весь Австралийский материк. Британское поселение Порт-Эссингтон было основано в крайней северной точке континента.

Население новых форпостов Британии на Австралийском материке состояло из ссыльных. Транспортировка их из Англии шла интенсивнее год от года. Считается, что со времени основания колонии до середины XIX в. в Австралию было отправлено 130—160 тыс. заключенных. Поскольку поселения находились друг от друга на огромном расстоянии, помимо фактического захвата территории достигалась и другая цель — рассредоточение ссыльных.

В связи с быстрым ростом поголовья овец требовались новые пастбища и источники пресной воды. В 1810 г. колония произвела лишь 167 фунтов шерсти, а в 1829 г. — около 2 млн. фунтов. «Как невозможно заставить арабов пустыни жить в пределах круга, начертанного на песке, — говорил губернатор колонии Гиппс, — так невозможно ограничить передвижение овец Новое Южное Уэльса определенными границами; совершенно очевидно, что, если бы это было сделано... стада крупного рогатого скота и овец Нового Южного Уэльса погибли бы и благополучию страны пришел конец».

Юго-восточную и южную части Австралии, их систему рек исследовали в 20-х годах XIX в. Д. Оксли, Г. Хьюм, А. Каннингхем и Ч. Стерт. Вклад последнего особенно значителен.

Открытия Стерта не давали покоя майору Т. Митчеллу. Этот честолюбивый человек не мог примириться с тем, что он, старший в чине, не был назначен главой экспедиции. Когда в 1831 г. Дарлинг, протезировавший Стерту, покинул колонию, Т. Митчелл предпринял свою первую экспедицию. Он собирался отыскать реку, будто бы впадающую в залив Карпентария, о которой ему рассказал ссыльный Кларк, проживший некоторое время среди аборигенов. Экспедиция окончилась неудачей: реки, текущей на северо-запад, Митчелл не нашел, но достиг рек Намой и Гвидир. В стычке с местными жителя-

ми он потерял двух человек и все запасы продовольствия, поэтому вынужден был вернуться обратно. Следует отметить, что все экспедиции Митчелла в отличие от экспедиций Стерта сопровождалась многочисленными стычками с аборигенами. Виной этому, несомненно, было недоброжелательное отношение Митчелла к последним.

Во время второго путешествия Митчелл подошел к реке Дарлинг недалеко от того места, к которому подходил и Серт. Интересно, что Митчелл нашел воду Дарлинга совершенно пресной. Был построен укрепленный лагерь, названный Форт-Бурк, после чего экспедиция двинулась вниз по реке, впадавшей, как в этом убедился не веривший Стерту Митчелл, в реку Муррей. Дальнейший ход экспедиции был остановлен новой кровопролитной стычкой с аборигенами, заставившей Митчелла повернуть назад.

Третья экспедиция Митчелла привела к открытию территории к югу от реки Муррей. Земля эта, которая, как утверждал Митчелл, «сможет родить пшеницу даже в самые засушливые сезоны и никогда не станет болотом в самое дождливое время», была названа «Счастливой Австралией».

Продолжая экспедицию, Митчелл вышел к берегу моря в районе бухты Портленд. Участники экспедиции были очень удивлены, обнаружив в бухте судно, а на берегу — европейских поселенцев. Это оказались колонисты, за два года до этого приехавшие с Земли Ван Димена.

Среди первооткрывателей юго-восточной части Австралии есть и два польских исследователя — Я. Льхотский и П. Стшелецкий. Я. Льхотский, прибывший в Сидней в 1833 г., первым описал район, где теперь находится Канберра, и горную цепь, называемую сейчас Австралийские Альпы. П. Стшелецкий, появившийся в Сиднее в 1839 г., исследовал в 1840 г. самую южную часть континента, названную им Гипсленд в честь тогдашнего губернатора колонии, и первым поднялся на самую высокую гору Австралийских Альп, которую он назвал горой Костюшко.

Примерно в это же время началось исследование западной части Австралии. Первая экспедиция, возглавлявшаяся Дж. Эд. Эйром, вышла из Аделаиды 18 июня 1840 г., в день двадцатипятилетней годовщины битвы при Ватерлоо, поэтому проводы ее были особенно тор-

жественными. В путь отправились шесть человек с двумя повозками, 13 лошадьми и 40 овцами. В конечный пункт путешествия — британское поселение Олбани на берегу пролива Короля Георга — 7 июля 1841 г. пришел лишь Эйр, сопровождаемый аборигеном по имени Вилли. В следующем месяце Эйр на корабле отправился обратно в Аделаиду, куда прибыл 26 июля.

В 1844 г. возобновил свои исследования уже пятидесятилетний Стерт. На этот раз ему хотелось изучить центральную часть континента. 15 августа 1844 г. он вышел из Аделаиды, направляясь на север. Путешествие продолжалось до 1846 г. Стерт убедился, что центр Австралии представляет собой настоящую пустыню, преодолеть которую он не смог. Тяжелобольной, ослепший, он вернулся в Аделаиду.

Исследовать северную часть Австралии первым пытался уже упоминавшийся Т. Митчелл. В 1845 г. он добрался до бассейна реки Барку, но из-за недостатка съестных припасов вернулся обратно. Наибольший же вклад в изучение севера страны внесли Л. Лейхгарт и Эд. Кеннеди.

Власти Нового Южного Уэльса всячески поощряли исследования северной части континента, надеясь, что они приведут к открытию наиболее короткого и удобного торгового пути, соединяющего колонию с Индией.

Лейхгарт, уроженец Германии, прибыл в Сидней в феврале 1842 г. и вскоре зарекомендовал себя как способный естествоиспытатель. В свое первое путешествие он отправился в августе 1844 г. Через 16 месяцев Лейхгарт достиг Порт-Эссингтона. Путешествие было очень трудным. Семь месяцев Лейхгарт и его спутники были без муки, сахара, соли и чая, три месяца питались лишь сушеной говядиной.

Вернувшись в Сидней, Лейхгарт начал готовить новую экспедицию. Он намеревался достичь северных границ континента, обогнув пустыню, открытую Стертом в центральной его части. Предполагалось, что путешествие будет весьма продолжительным, поэтому запаслись провизией на два года.

12 декабря 1846 г. экспедиция в составе семи европейцев и двух аборигенов вышла из Дарлинг-Даунса. Путешественники имели 15 лошадей, 13 мулов, 40 коров, 270 коз, 100 свиней и 4 собаки, однако большая часть скота пала, съестные припасы были почти целиком

израсходованы, люди страдали от лихорадки. Не добившись ничего, Лейхгарт через семь месяцев вернулся обратно.

Неудачи не остановили Лейхгарта. В апреле 1848 г. он вновь отправился на север. Его сопровождали шесть человек. На этот раз дело кончилось полной катастрофой: экспедиция исчезла. В течение первых двух лет отсутствие сведений о ней не вызывало особого беспокойства в Новом Южном Уэльсе, поскольку экспедиция была рассчитана на длительный срок. Но в 1851 г. власти колонии вынуждены были начать поиски, которые не дали результатов. Судьба участников экспедиции так и осталась неизвестной.

В апреле 1848 г. из Сиднея вышла еще одна экспедиция, которая должна была исследовать север материка, попытаться найти наиболее удобный путь в Южную Азию и выбрать место для строительства порта на северном побережье Австралии. Возглавлял экспедицию Эд. Кеннеди, принимавший ранее участие в экспедициях Т. Митчелла. Для того чтобы выиграть время и облегчить путешествие, часть пути была проделана на корабле.

21 мая 1848 г. путешественники достигли гавани Рокгемптон и высадились на берег. Страшная жара, болотистая местность, труднопроходимые заросли заставили их отказаться от намеченного маршрута — на северо-запад, к заливу Карпентария. Они двинулись вдоль северо-восточного побережья материка, но и здесь встретились с теми же трудностями. К тому же через месяц начались частые стычки с аборигенами.

В августе экспедиция должна была достичь залива Принцессы Шарлотты, где ее ждал специально посланный туда корабль. Но Кеннеди и его спутники добрались до залива лишь в октябре, когда корабль уже ушел. Только добравшись до Порт-Олбани, экспедиция могла надеяться на спасение. Но сделать это измученные, голодные и больные путешественники уже не смогли. В Порт-Олбани в декабре 1848 г. пришел лишь один участник экспедиции — абориген по имени Джеки-Джеки. Сразу же был снаряжен корабль для поисков оставшихся в живых членов экспедиции. 30 декабря корабль достиг залива Принцессы Шарлотты. Из восьми добравшихся сюда людей остались в живых лишь двое. Все остальные, в том числе и Кеннеди, погибли.

Экспедиции по исследованию Австралийского материка, проходившие с такими трудностями и потерями, имели очень большое значение для расширения и укрепления британского господства в Австралии.

За исследователями шли колонисты. Появлялись новые города. Именно в это время, в первой половине XIX в., образовалось шесть британских колоний — Новый Южный Уэльс, Тасмания, Западная Австралия, Южная Австралия, Виктория и Квинсленд, — которые через полвека объединились в Австралийский Союз — доминион Великобритании.

Посылая в 1787 г. капитана Филлипа в Порт-Джек-сон, британское правительство ставило перед ним задачу создать своего рода тюрьму под открытым небом, в которой все потребности удовлетворялись бы исключительно за счет труда самих ее обитателей. Правительственная инструкция предписывала Филлипу «все виды продукции, произведенной трудом заключенных, рассматривать как общественный фонд», часть которого должна использоваться для снабжения самих заключенных, а также военнослужащих и гражданских чиновников колонии. «Оставшуюся часть, — говорилось в инструкции, — необходимо сохранить для снабжения других партий заключенных, которые придут позже».

Прошло 30 лет, и взгляд на Австралию решительно изменился. Бурно развивавшаяся английская промышленность требовала дешевых источников сырья. На Австралийский континент теперь смотрели как на гигантское пастбище, где при минимальных затратах можно производить неограниченное количество столь нужной английской промышленности шерсти. В 1828 г. специальный комитет палаты лордов по вопросам развития производства шерсти отметил, что Австралия поставляет самую лучшую и дешевую шерсть в мире.

Уже в первые десятилетия XIX в. овцеводство стало господствующей отраслью британских колоний в Австралии. Увеличение поголовья овец неизбежно влекло за собой расширение земельных участков под пастбища. Начался позорный для британских колонизаторов период «очищения» австралийской территории от коренных жителей.

Аборигенов не только сгоняли со сколько-нибудь удобных для земледелия и скотоводства земель, но и пытались полностью истребить: на них устраивалась охо-

та, как на диких зверей. Небольшое число коренных жителей уцелело благодаря тому, что они уходили в глубь континента, в места, почти недоступные для англичан. На сравнительно небольшом острове Тасмания у них не было этой возможности, и их полностью уничтожили. Когда англичане создавали свои первые поселения на острове, коренное население составляло 200 тыс. человек. К середине 50-х годов XIX в. оставалось менее 20 человек. В начале 70-х годов на Тасмании не было ни одного аборигена.

В отличие от Англии, где интерес к плаваниям Флиндерса по-прежнему был невелик, в Австралии к середине XIX в. он поистине стал национальным героем. В 1853 г. правительства Нового Южного Уэльса и Виктории установили Аннетт Флиндерс пенсию в размере 100 фунтов стерлингов в год от каждой из этих колоний. Но вдова Флиндерса не успела этому порадоваться, она умерла в 1852 г. Пенсию стала получать ее дочь Аннетт Петри. Был создан специальный фонд для оплаты образования внука исследователя — Мэтью Флиндерса Петри. В 1858 г. правительство Южной Австралии назвало именем Флиндерса маяк на мысе Борда на острове Кенгуру. Столетие открытий Флиндерса на южноавстралийском побережье было отмечено созданием множества монументов в Южной Австралии, установленных, в частности, на горе Лофти, в Виктор-Харборе, в Порт-Линкольне, на острове Кенгуру. Несколько прибрежных городов колонии были названы именем Флиндерса. От Южной Австралии не отставали и другие колонии, а затем штаты Австралийского Союза. Популярность Флиндерса росла.

В годы второй мировой войны в Австралии была издана книга «Моя любовь должна ждать», посвященная жизни Мэтью Флиндерса. Ее автор Эрнестина Хилл писала, что получила письмо от Чарлза Доли, президента Мельбурнского исторического общества, который сообщал ей, что житель Лонсестона Ньютон во время пребывания в Англии в середине 30-х годов обнаружил в церкви святого Томаса в Лондоне памятную доску, посвященную Флиндерсу. «Он установил, — продолжал Доли, — что могила Флиндерса была перенесена в какое-то другое место еще до 1854 г. Мистер Ньютон обнаружил на церковном дворе полуразрушенный могильный камень и по возвращении в Викторию предложил, чтобы

были предприняты шаги для его сохранения. Сэр Джеймс Бэрретт, тогдашний президент Флиндерсовского комитета штата, написал письмо премьер-министру С. М. Брусу, прося его, чтобы он через сэра Гренвилла Райри, тогдашнего верховного комиссара Австралии, добился восстановления этого исторического камня».

Памятная доска на доме, где родился Флиндерс, появилась лишь спустя 130 лет после его смерти. Это было сделано усилиями Гарри Китчена, уроженца Донингтона, прожившего 30 лет в Австралии. Он сам изготовил эту доску из бронзы и написал на ней: «Капитан Мэтью Флиндерс, исследователь, родился здесь 16 марта 1774 года».

ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ МЕР В МЕТРИЧЕСКИЕ

Меры длины

1 миля (сухопутная)	1609 м
1 миля (морская)	1852,2 м
1 лига	3 мили
1 ярд	91,44 см
1 фут	304,8 мм
1 дюйм	25,4 мм

Меры площади

1 акр	4047 кв.м
-------	-----------

Меры объема сыпучих тел

1 брит. бушель	36,365 л
1 брит. пинта	0,5682 л

Меры веса

1 фунт коммерческий	453,6 г
1 унция коммерческая	28,35 л

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I. МОРЕ ЗОВЕТ	3
ГЛАВА II. ВОКРУГ АВСТРАЛИИ	38
ГЛАВА III. ПЛЕН	79
ГЛАВА IV. ВОЗВРАЩЕНИЕ	98

Ким Владимирович Малаховский
ЛЮБОВЬ И ДОЛГ
История жизни
капитана Мэтью Флиндерса

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии «Рассказы о странах Востока»*

Редактор *И. В. Королева*. Младший редактор
Г. А. Аристова, Художник *Л. С. Эрман*. Художественный
редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор
В. П. Стуковнина. Корректор *В. Н. Багрова*.

ИБ № 15306

Сдано в набор 12.06.84. Подписано к печати 03.01.85.
А-02307. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 5,88.
Усл.кр.-отт. 6,2. Уч.-изд. л. 6,08. Тираж 40.000 экз.
Зак. 719. Изд. № 5638. Цена 40 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука» Москва К-31, ул. Жданова, 12/1.

ПО «Чертановская типография» Управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома.
Москва, Варшавское шоссе, 129а.

Цена 40 коп.